

ВИТАЛИЙ ГЛАДКИЙ

ДЖЕНТАЛЬМЕНЫ УДАЧИ

Подвеска пирата

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

Время героев

Виталий Гладкий
Подвеска пирата

«ВЕЧЕ»

2015

Гладкий В. Д.

Подвеска пирата / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ», 2015 — (Время героев)

Вторая половина XVI столетия. В водах Балтийского моря подданный датского короля, знаменитый капер Карстен Роде, попадает в плен к польскому пирату Ендриху Асмусу, с которым у него давние счеты. Асмус сохранил жизнь своему врагу, но лишь с тем, чтобы переправить его в Швецию, где за голову Роде назначено хорошее вознаграждение. Ночью Карстен Роде устраивает побег вместе с боцманом и штурманом своего корабля. Спустя какое-то время Роде оказывается на службе у Ивана Грозного и создает целую флотилию корсаров, с которыми вынуждена считаться могучая Британия, а потом попадает в команду самого Френсиса Дрейка...

© Гладкий В. Д., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Каперы	21
Глава 2. Аникей Строганов	32
Глава 3. Схватка в корчме	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виталий Гладкий

Подвеска пирата

Пролог

Доктор Джон Ди¹, алхимик, маг и придворный астролог английской королевы Елизаветы I Тюдор, с трудом оторвался от видений, которые он наблюдал в тщательно отполированном зеркале из черного, слегка замутненного обсидиана. Когда-то оно принадлежало ацтекским жрецам; они использовали его для гаданий. Зеркало придворному астрологу подарил Кортес, завоеватель империи ацтеков. Действие напитка, приготовленного по рецепту друидов², который алхимик употреблял перед каждым контактом с потусторонним миром, заканчивалось. Доктор почувствовал спазм в желудке и тошноту, подступившую к горлу. Схватив запотевший кувшин с холодным элем, сваренным с целебными травами, он жадно припал к его шербатому краю.

Отпустило. Черепная коробка, совершенно опустошенная контактом с другой реальностью, постепенно начала наполняться мыслями – беспокойными, мятущимися, бестолковыми. Почему-то на память пришло его прошлое, и Джон Ди, неожиданно для самого себя, с облегчением окунулся в мир воспоминаний. Конечно же он понятия не имел, что так сработало подсознание, смягчив переход к действительности от часто непонятных, иногда и страшных фантазмагорических картин, появляющихся в дымчатой глубине обсидиана.

Джон был единственным сыном Роланда Ди, торговавшего тканями и занимавшего незначительный пост при дворе. Семья имела валлийское происхождение; а с языка валлийцев слово «Ди» переводится как «Черный». Но мало кто знал, что его отец являлся еще и прямым потомком жреческого сословия древних кельтов. Роланд Ди эту опасную для родных тайну скрывал до самой кончины. Только на смертном одре он открылся сыну. И то не по своей доброй воле, а под нажимом мрачного длиннорядого старца, злым духом неожиданно-негаданно явившегося среди ночи, чтобы провести возле ложа умирающего древний обряд друидов.

В 1553 году, после прихода к власти фанатичной католички Марии Тюдор, в Англии начались репрессии против протестантов. Отца Джона арестовали. Однако вскоре отпустили на свободу, но финансовые сбережения конфисковали, и значительное наследство, которое позволило бы его сыну до конца жизни посвятить себя научным изысканиям, не заботясь о пропитании, было потеряно.

В 1555 году и сам Джон был заключен в тюрьму – «за вычисления». В ту пору занятия математикой рассматривались как нечто близкое к колдовству. Но главная причина ареста заключалась в другом. Мария Тюдор заточила свою сестру Елизавету в замке Вудсток – из-за симпатий протестантам. По счастливой случайности служанка принцессы приходилась кузиной Джону. Через нее он сообщил узнице, что, на основании гороскопа, для Елизаветы существует вероятность однажды стать королевой Англии. Но одна из записок Джона была перехвачена секретными агентами. И к обвинению в занятиях математикой добавилось еще и уличение в ереси, а также магическом заговоре против жизни королевы. Ди предстал перед судом «Звездной палаты», но благодаря своему блистательному красноречию сумел оправдаться.

¹ Джон Ди (1527—1609) – английский математик, географ, астроном и астролог, один из образованнейших людей своего времени

² Друиды – жрецы у кельтских народов, организованные в виде замкнутой касты; ведали жертвоприношениями, выполняли также судебные функции, были врачами, учителями, прорицателями.

После смерти Марии Тюдор в 1558 году на престол вступила Елизавета, восстановившая в Англии протестантизм. Джон быстро оказался в фаворе у новой королевы. Та сделала его своим личным астрологом и советником в делах науки. Он сам назначил наиболее благоприятную дату коронации Елизаветы на основании составленного им гороскопа – это было для него великой честью.

В 1564 году Джон Ди подтвердил свой статус «великого волшебника», издав наиболее известную и амбициозную книгу по каббале и геометрической магии, которая называлась «Иероглифическая монада». В том же году он принял решение удалиться от столичной суеты и поселился неподалеку от Ричмонда, в симпатичной деревушке Мортлейк на берегу Темзы – подальше от своих многочисленных недоброжелателей, завистников и врагов. В его просторном доме с садом кроме кабинета были комнаты для хранения научных приборов, лаборатория, помещения для приезжих и библиотека, занимающая пять комнат.

После смерти Марии Тюдор в 1558 году на престол вступила Елизавета, восстановившая в Англии протестантизм. Джон быстро оказался в фаворе у новой королевы. Та сделала его своим личным астрологом и советником в делах науки. Он сам назначил наиболее благоприятную дату коронации Елизаветы на основании составленного им гороскопа – это было для него великой честью.

В 1564 году Джон Ди подтвердил свой статус «великого волшебника», издав наиболее известную и амбициозную книгу по каббале и геометрической магии, которая называлась «Иероглифическая монада». В том же году он принял решение удалиться от столичной суеты и поселился неподалеку от Ричмонда, в симпатичной деревушке Мортлейк на берегу Темзы – подальше от своих многочисленных недоброжелателей, завистников и врагов. В его просторном доме с садом кроме кабинета были комнаты для хранения научных приборов, лаборатория, помещения для приезжих и библиотека, занимающая пять комнат.

* * *

Астролог с силой тряхнул головой, чтобы окончательно изгнать неприятные ассоциации, вызванные видениями в магическом зеркале, и позвал:

– Уилл! Можешь войти.

Ответом ему была полная тишина. Лишь в деревянном полу неустанно трудились древооточцы, да за плотно закрытыми окнами кабинета где-то далеко гроыхал гром – приближалась гроза.

– Уилли, бесенок!!! – рявкнул, теряя терпение, Джон Ди. – Поди сюда, кому говорю!

Дом молчал. Не на шутку разозленный доктор вскочил на ноги и направился к двери.

Он был высок, худощав и носил расшитый серебряной нитью черный атласный халат с раскрытыми от локтя рукавами и длинным разрезом. На груди у него висела массивная золотая цепь с личной печатью, на которой было выгравировано изображение покровителя Англии святого Георгия. Безымянный палец украшал перстень из какого-то темного металла с крупным прозрачным бериллом. В длинной бороде мага уже появилась первая седина, но его физическое состояние отличалось здоровьем. Ведь, несмотря на большую занятость, Джон Ди всегда находил время для фехтовальных упражнений. В те далекие времена каждый дворянин превосходно владел клинком, чтобы в любой момент иметь возможность отстоять свою честь с оружием в руках. Придворный астролог королевы Елизаветы не был исключением из общих правил.

Ну а паж и оруженосец астролога – юный Уилли – сладко спал. Он прилег возле небольшой лабораторной печки прямо на пол, подложив под голову толстый фолиант. Круглая печка, сложенная из обожженного кирпича, тихо пыхтела, подогревая пузатую стеклянную колбу в

окружении змеевиков, и розовощекий ангелок обнимал ее теплое тулово с выражением неземного блаженства на лице.

При виде сонного, разомлевшего от благодатного тепла Уилла грозные намерения мага наказать нерадивого слугу вмиг испарились. Джон озабоченно нахмурился, вдруг вспомнив, что на дворе сентябрь, а он до сих пор не удосужился договориться с дровосеками, привезти запас дров на зиму. Погода уже начала портиться, несмотря на солнечные дни. Ночи стояли холодные, и в доме стало неуютно и сыро.

В деревянном сарае осталась одна поленица, но использовать ее для отопления маг запретил. Дрова нужны были ему для научных целей, так как алхимические опыты, которые он проводил, требовали постоянных и непрерывно высоких температур. Огонь в печке обычно поддерживал Уилли; только ему маг доверял входить в лабораторию и даже позволял наблюдать за своей работой.

Уилли был сирота. Дворянин по рождению, он с младенчества испытал на себе позорное клеймо изгоя. Его семью разорили при Марии Тюдор: отца, протестанта по вероисповеданию, заподозрили в заговоре против королевы и казнили, фамильное поместье отобрали. Мать, не выдержав лишений, заболела и умерла, а крошка Уилл пошел по свету искать свою судьбу.

Но фортуна все же оказалась благосклонна к мальчику. Она свела его с доктором Джоном Ди. Нужно сказать, тюремное прошлое значительно смягчило характер мага, сделало его более сердобольным, что было не очень свойственно дворянскому сословию Средневековья. Для высокородных йомены³, а тем более нищие попрошайки, мало чем отличались от камешков под копытами коня. Жизнь простого человека в Англии не имела никакой цены, и смерть для многих из простонародья часто была желанным избавлением от земных страданий.

Маленький оборванец ничем не отличался от себе подобных. И все же Джон сразу выделил Уилла из толпы на Корнхилл, словно был с ним давно знаком: тот глазел на какого-то дворянина, приговоренного к наказанию у «позорного» столба. Астролог подозвал мальчика к себе и без лишних расспросов увез в Мортлейк. Наверное, мальчуган очень удивился бы, узнав, какие видения посещают его господина. В одном из них королевский астролог и узрел лицо Уилла. А может, тот ему приснился – даже сам маг точно не помнил этот момент.

Уилли оказался очень смышленным. Он быстро освоил грамоту, научился читать и писать. Джон Ди постепенно вводил мальчика в мир науки, и его душа таяла, как воск, когда он видел, каким вдохновенным огнем загораются глаза ученика, наблюдающего за экспериментами астролога, часто сопровождавшимися шумом, треском (иногда даже грохотом), фейерверками и бурлением разноцветных жидкостей в ретортах и колбах...

Сейчас, стараясь не разбудить ребенка, маг взял с печки кувшин, в котором подогревался ром, и возвратился в кабинет. Ему нужно было согреться и хорошо подумать.

* * *

Третьего дня в кабинет астролога вбежал Уилли и выпалил:

– Сэр, к вам пришли!

Джон Ди недовольно поморщился – он как раз готовился к сеансу ясновидения – но, взглянув на взволнованного мальчика, не стал ругать его за бесцеремонное вторжение в «святая святых» дома. По лицу Уилла было видно, что причина, побудившая пажа ворваться в кабинет даже без стука, явно неординарная. Нахмурившись, маг строго сказал:

³ Йомены – в феодальной Англии мелкие землевладельцы, самостоятельно обрабатывающие землю (в отличие от джентри). До середины XVII в. составляли основную массу английского крестьянства. Из йоменов. происходили Уильям Шекспир и Исаак Ньютон.

– Надеюсь, к нам пожаловала не служанка мистера Смалли, которая принесла кувшин с парным молоком. Если это она, то скажешь ей, что свой долг за продукты я погашу на следующей неделе.

В последнее время у астролога появились денежные затруднения. Королева была прижимистой и часто «забывала» платить своим верным слугам. А желающих заказать гороскоп у Джона Ди находилось немного. Одни опасались его мрачной славы колдуна, другие не желали забираться в глушь, так как дороги королевства были небезопасны из-за разбойников и любая поездка на дальние расстояния предполагала большие расходы на вооруженную охрану. Конечно, можно плыть по Темзе, но неподалеку от Мортлейка во всю орудовали речные пираты.

Увы, времена благородного Робин Гуда давно закончились. Разбойники шестнадцатого века не отличались бескорыстием, щедростью к беднякам и человеколюбием. Обычно они не оставляли в живых свои жертвы – не желали свидетелей, благодаря которым можно оказаться на Гревской площади⁴.

Впрочем, Джон Ди, большой знаток истории Англии, имел свое мнение о великодушном защитнике простолюдинов, которое он опасался высказывать публично. Маг небезосновательно считал, что Робин Гуд был един во многих лицах. После завоевания Англии норманнами множество саксонских феодалов, кто лишился земли, ушли в леса. И всех, в то время борющихся с королем и укрывающихся в лесах, звали Робин Гудами, что означает «лесная птица». По истечении какого-то времени благородные саксонские бароны превратились в обычных разбойников, готовых напасть на любого встречного.

И беднякам такие «птицы» ничего не раздавали, потому что те не жили в лесах. А если такое и случалось, то не являлось актом благотворительности; просто лесные разбойники-дворяне платили за молчание тем, с кем время от времени сталкивались.

В конечном итоге удалившиеся в леса аристократы поняли, что тягаться с королем им не под силу, и стали искать поддержку у короля Ричарда Львиное Сердце, известного своими воинскими доблестями в крестовых походах. Саксонские бароны хотели посадить его на английский трон, надеясь вернуть прежние права.

И в самом деле, едва Ричард Львиное Сердце надел корону, как бароны с триумфом возвратились в свои замки, а в леса потянулись обнищавшие крестьяне и йомены. Когда же Ричард отправился в очередной Крестовый поход и там погиб, законным монархом стал его брат Джон. Для мятежных баронов пробили последний час – под шервудским дубом, прозванным «парламентским», король Джон объявил о решении окончательно ликвидировать власть «благородных» разбойников. Их времена закончились, и началась эпоха легенд о Робин Гуде...

– Что вы, сэр! – воскликнул мальчик. – Я бы не посмел потревожить вас по столь ничтожному поводу. Вас хочет видеть какой-то знатный господин.

Джон Ди оживился – неужели закончились его проблемы с деньгами? Он не ждал гостей, поэтому приезжий господин мог быть лишь заказчиком, жаждущим узнать свою судьбу.

– Он представился? – спросил маг.

– Нет. Я хотел спросить его имя, но побоялся... простите... Вид у него больно грозный.

– Зови! Быстрее, быстрее! – Джон Ди от нетерпения потер ладонями, словно пытался согреться.

Мальчик буквально упорхнул. Как почти все подростки, он был шустрым, словно белка, и пронырливым, будто хорек, способный забраться в курятник даже через микроскопически малую дыру.

⁴ Гревская площадь известна публичными смертными казнями, которые проводились на ней на протяжении нескольких веков. Обычно преступников из простонародья вешали, аристократам отрубали голову, разбойников колесовали, а еретиков и ведьм сжигали на костре.

Мужчина, который вошел в кабинет Джона Ди, и впрямь не походил на изнеженных придворных королевы Елизаветы. Одет он был не очень богато – видимо, из мудрой предосторожности. В те времена многие из благородных людей сгорели на кострах только за то, что носили дорогую одежду и золотые украшения, считавшиеся привилегией церкви. Но стиль подсказал придворному астрологу: перед ним человек военный.

В его наряд входила короткая куртка-джеркин черного цвета со стоячим воротником, из-под которой выглядывал надетый на белую льняную рубаху кожаный дублет-поддоспешник с нашитыми на него кусками кольчуги, защищавшими наиболее уязвимые места. Такой дублет весил значительно меньше кольчуги и был удобен для дальних путешествий. Узкие штаны-бричзы до колен, удобные при верховой езде, серые шерстяные чулки и туфли с массивными серебряными застежками дополняли его неброский наряд. На широких плечах – небрежно наброшенный короткий плащ.

Одеяние Джон Ди осмотрел лишь мельком. Оно было обычно для английских дворян. Астролога, опытного физиономиста, больше заинтересовало лицо незнакомца и оружие, которым тот был увешан с головы до ног.

Если на свой внешний вид человек не сильно потратился, то за оружие он явно отсыпал целую кучу золотых соверенов⁵. За поясом у него торчала пара дорогих пистолетов-пуфферов⁶ с богатой инкрустацией. С левой стороны висела шпага из толедской стали, в рукояти которой красовался большой рубин. Справа находилась саксонская раскладная дага в роскошных ножнах, позволявшая без труда поймать клинок противника и обезоружить его. Мужчина был простоволос, но маг не сомневался, что или шлем незваного гостя держит оруженосец, оставшийся за порогом дома, или он приторочен к седлу коня.

Лицо незнакомца, лоб которого перечеркивал по вертикали сабельный шрам, покрывал густой загар, и доктор сразу определил, что перед ним не просто военный, а моряк – видимо, капитан. Независимая манера держаться выдавала в нем не только дворянское происхождение, но и сильную, властную натуру. Неожиданно Джона Ди осенило: это, скорее всего, пират, – и высокое чело мага оросили капельки холодного пота. Все верно – где можно так сильно загореть, как не в Карибском море? Астролог мысленно выругал себя за потерю бдительности. Его шпага лежала на скамье, до которой быстро не добежать, а пистолеты были не заряжены. Но что понадобилось морскому разбойнику в его скромной обители?

Моряк покашлялся и немного хрипловатым, сильным голосом представился:

– Хокинс. Джон Хокинс, сэр. Мое почтение... – Он поклонился.

Нужно сказать, Джон Ди несколько опешил. Джон Хокинс!⁷ Знаменитый пират королевы Елизаветы! Его победами над спесивыми испанцами восхищается вся Англия от простолюдина до придворной знати. Восхищается и завидует. Потому что трюмы кораблей капитана Хокинса при возвращении домой всегда под завязку набиты или рабами, или сокровищами.

– Не желаете ли рому, сэр? – любезно предложил Джон Ди, когда пират уселся на не очень удобный табурет.

Ввиду того что дом придворного астролога практически не посещали высокородные персоны, приближенные к королевскому двору, он не считал нужным обзаводиться дорогой мебелью, считая ее излишеством. Маг не любил мягкие кресельные подушки, навевавшие сонное настроение и тем самым отвлекавшие его от работы. У него самого было кресло с высокой спинкой и жестким сиденьем, застеленным медвежьей шкурой.

– Благодарю, сэр. С удовольствием.

⁵ Соверен – крупная английская золотая монета достоинством в 30 серебряных шиллингов (т.е. 6 крон; 1к. = 5 ш., 1 ш. = 12 пенсам = 48 фартингам).

⁶ Пуффер – короткий пистолет, предназначенный для стрельбы в упор.

⁷ Джон Хокинс (1532—1595) – английский моряк, кораблестроитель, адмирал, коммерсант, работороговец. За отвагу в битве с Непобедимой армадой пожалован в рыцарство (ок. 1588).

– Уилли! – позвал маг своего пажа. – Принеси еще один кубок. – И добавил многозначительно: – Тот самый...

Вскоре капитан с видимым удовольствием прихлебывал подогретый ром и восхищенно рассматривал позолоченный чеканный кубок дивной работы, который держал в руках.

Кубок был творением выдающегося итальянского ювелира и скульптора Бенвенуто Челлини. Маг получил его в качестве платы за гороскоп, составленный для знаменитого итальянца, когда путешествовал по Европе и какое-то время преподавал в Сорбонне. Обычно кубок Челлини доставали только по случаю приезда какой-нибудь известной личности. Капитана Джона Хокинса можно было смело отнести к этой категории.

Джон Ди тоже пил ром, как и его гость, не разбавляя водой – за компанию, – и с нетерпением ждал, когда тот соизволит перейти к делу, что привело его в Мортлейк. Наконец пират прокашлялся и сказал:

– Отменный ром, сэр... Такой мне доводилось пробовать только на Карибах.

Астролог вежливо улыбнулся в ответ, но дальше тему развивать не стал. Бывалый морской волк очень удивился бы, услышав комментарий. Дело в том, что маг и алхимик для своих нужд давно освоил производство этого крепкого напитка – в основном в лечебных целях. Джон Ди сконструировал перегонный куб, а патока, из которой он делал ром, была дешевой и доступной.

– Однако к делу, – решительно продолжил пират. – Я слышал, сэр, вы занимаетесь не только предсказаниями человеческих судеб, но можете еще и влиять на них... – Он остро и требовательно посмотрел на астролога, дожидаясь ответа.

– Вас ввели в заблуждение, сэр Джон, – мягко произнес астролог. – Судьбу изменить невозможно. Она записана на небесных скрижалях, и нет силы, способной поменять звезды местами.

Он хотел добавить: «За исключением Господа нашего», но сдержался – пират не ищейка святой инквизиции и кривить перед ним душой нет смысла. Вещи, которыми маг занимался в последнее время, входили в большое противоречие с религиозными догмами. Мысленно Джон Ди не раз с благодарностью вспоминал свою покровительницу, королеву Елизавету, которая приказала часть иезуитов сжечь на Гревской площади, а остальных изгнала из страны. Иначе он уже давно закончил бы свое земное существование на дыбе или на костре.

– Наверное, так оно и есть, сэр, – согласил Хокинс. – Но, насколько мне известно, ваши талисманы приносят людям удачу...

«Вон оно что!» – Джон Ди облегченно вздохнул. Изготовление различных талисманов астролог поставил на поток. Обычно их делал деревенский дурачок по прозвищу Скимми – Огарок. Он с детства ходил по деревне и кланчил свечные огарки. Долго никто не знал, зачем они ему, пока однажды Скимми не показал кому-то из взрослых, чем он занимается длинными зимними вечерами.

Оказалось, что Огарок был превосходным – даже гениальным – резчиком по дереву и камню. Правда, пользовался он примитивными инструментами собственноручного изготовления, но все равно безделушки, выходившие из его рук, поражали воображение своей живостью и красотой. Джон Ди быстро смекнул, что золотые руки Скимми будут полезны и самому мастеру-самоучке, и ему. Астролог купил Огарку дорогие итальянские резцы, привез целый короб различных поделочных камней, обеспечил свечами, и вскоре «магическими» перстнями, бусами и подвесками стали украшать себя не только жены йоменов, но и богатые леди.

Конечно, все эти вещицы стоили недорого, и доход, который они приносили, оказался мизерным, но Скимми был счастлив, занимаясь только любимым делом и не думая о хлебе насущном. А для мага производство этой бижутерии (он сдавал поделки Скимми оптом одному лондонскому купцу) послужило отличной рекламой, так как торговец «по секрету» рассказывал своим покупателем, что к талисманам приложил руку сам королевский астролог. Но наи-

более поразительными были факты, когда эти амулеты и впрямь действовали. Наверняка, тому способствовал Скимми, вкладывающий в них весь пыл своей доброй и чистой души.

– Вы хотите приобрести талисман? Нет ничего проще...

С этими словами маг открыл небольшой ларец, стоявший на столе, и пододвинул его к капитану.

– Пожалуйста, выбирайте.

Джон Хокинс не очень внимательно – больше из вежливости – рассмотрел предложенные вещицы, а затем сказал:

– Извините, сэр, но вы не так меня поняли. Я хочу, чтобы это был **ОСОБЫЙ** талисман. У меня есть племянник. Зовут его Френсис. Он молод и подает большие надежды как будущий капитан. А какой же моряк выйдет в плавание без милостивого покровительства Госпожи Удачи? Я хочу сделать ему подарок на день рождения. И мне подумалось, что это должно быть нечто необычное. Золото, драгоценности, дорогие ткани – все подобное для людей нашей профессии не является диковиной, сокровища мы и сами способны добыть. Но вот талисман, полученный из рук такого великого мага, как вы, сэр, – это совсем другое дело.

Тут пират достал из поясной сумки увесистый кошелек и положил его на стол перед астрологом. В нем мелодично звякнули монеты, а в душе Джона Ди, разомлевшей от слов гостя, и вовсе воцарилось приятное томление. Золото! В кошельке, скорее всего, были золотые соверены. Много соверенов.

Он не ошибся.

– Здесь тридцать соверенов, – молвил пират. – Это задаток, половина суммы. Мне нужна брошь – подвеска на шляпу. Остальные деньги получите, когда заказ будет готов. Достаточно?

Шестьдесят соверенов за подвеску! Джон Ди мысленно ликовал. Почти его годовое жалование! Этих денег хватит надолго, если учесть, что гусь стоит всего один шиллинг, а поросенок – полтора. Он наконец расплатится с долгами и купит Уилли приличную одежду, а то мальчик совсем поизносился.

– Не уверен, – справившись с волнением, сухо ответил астролог. – Все зависит от цены камня. Он должен быть не совсем обычным. Надеюсь, вы понимаете, сэр.

– Понимаю, – согласно кивнул капитан. – За деньгами я не постою. Сколько скажете, столько и заплачу.

Когда Джон Хокинс наконец откланялся, маг в большом волнении забежал по кабинету. К соверенам он даже не прикоснулся, хотя поначалу ему очень хотелось подержать в руках золотые кругляшки, чтобы ощутить их огромную энергию. У доктора был дар, позволявший определять глубинную сущность неживой материи. Каждый предмет, камешек или дерево обладали излучением, которое могло быть и целительным, и несущим болезни человеческому организму.

Астролог отдавал себе отчет: на этот раз штуки с «заговоренными» безделушками, которые он сдавал лондонскому купчине, не пройдут. Пиратский капитан Джон Хокинс не из тех простофиль, кого можно провести на мякине. Таких людей обманывать нельзя – себе выйдет дороже. А это значило, что камень для подвески должен и впрямь обладать исключительными свойствами. Но где его достать?

«Что ж, придется немного попутешествовать...» – кисло поморщился придворный астролог. Он очень не любил отрываться от лабораторных исследований и письменного стола. Хотя время от времени Джону Ди приходилось покидать Мортлейк ради выполнения очередного поручения королевы. Многие удивились бы, узнав, что они вовсе не связаны с его официальным статусом при дворе.

Доктор стал секретным агентом британской короны еще во времена своих вояжей по Европе. Там придворный маг наладил обширные связи в самых разных кругах европейского общества и до сих пор регулярно получал от осведомителей важные донесения, которые вручал

королеве лично, минуя церемониальные ухищрения и игнорируя ступени иерархической лестницы. Этим он сильно раздражал государственного секретаря сэра Уильяма Сесила и начальника тайной королевской службы Френсиса Уолсингема. Чтобы охранить от врагов свой тайный статус секретного агента высокого ранга, Джон Ди подписывал донесения Елизавете даже не вымышленным именем, а цифрами – «007»⁸.

...Немного повздыхав в огорчении, Джон Ди позвал Уилли:

– Вот что, мой мальчик, готовься к срочному отъезду. Возьми соверен, расплатись с кредиторами, а также закупи провизии на дорогу... скажем, недели на две. И овса для лошадей. А еще нужно хорошенько почистить оружие и доспехи, смазать их барсучьим жиром – чтобы не заржавели. Чай, не лето, ночи стали холодными и сырыми. Нет, нет, это еще не все, мистер Торопыга! Зайди к портному, пусть сошьет тебе теплую одежду и поспешит! Послезавтра в путь...

* * *

Ранним туманным утром из ворот усадьбы Джона Ди выехали двое: сам астролог и мальчик. Под седлом у Уилли был невысокий буланый жеребчик с темной гривой и черным хвостом, потомок полудиких лошадей норманнов, неприхотливый в еде и очень выносливый. Кроме того, жеребец нес на себе запас продуктов, вместительную оплетенную тонкой лозой бутылку с ромом и мешок овса.

Доктор взгромоздился на великолепного андалузца. Высокий придворный статус Джона Ди не позволял ему иметь коня попроще и подешевле, что с точки зрения хозяина было бы весьма благоразумно. Поэтому, повздыхав сокрушенно и почесав в затылке, он отдал барышнику свои последние сбережения. Но теперь астролог был рад, что не поспешил. Быстроногий породистый жеребец мог унести его от любой погони и не боялся ни выстрелов, ни холодного оружия. А при звуках боя он, как истинный рыцарский конь, превращался в настоящего зверя, которого невозможно ни испугать, ни остановить. Жеребец кусался и поднимался на дыбы, сокрушая врагов копытами.

Джон Ди понимал, насколько сильно рискует, отправляясь в опасное путешествие без надлежащей охраны. Но где ее найдешь в деревне? И потом от сельских йоменов с дубиной в руках мало проку, если нападут вооруженные разбойники. Маг понадеялся на свою славу волшебника и колдуна. О нем знала вся Англия; даже совсем уж бесшабашные кутилы и забияки при встрече с ним втихомолку крестились. А с той поры, как Джон Ди поселился в Мортлейке, ни одна разбойничья шайка не потревожила покой деревенских жителей.

Выглядел доктор настоящим рыцарем: кольчуга с наплечниками, шлем, небольшой круглый щит, меч у пояса и седельные пистолеты. Уилли вез мушкет, а также запас пороха и пуль. Но Джон Ди не очень доверял огнестрельному оружию. Пока перезарядишь мушкет, превратишься в ежа от стрел противников. Он больше верил в свое умение орудовать мечом и в прочность металлических пластин, приклепанных к кольчуге и прикрывавших наиболее уязвимые места на теле. Астролог лично занимался их изготовлением: тонкая и легкая, но очень прочная сталь пластин была его изобретением.

На удивление, до места назначения маг и его паж добрались без особых приключений. Им пришлось переночевать на луговине, в стогу, – Джон Ди хотел, чтобы об их путешествии никто не знал. Мальчику, с детства привыкшему к бродяжничеству, свежее душистое сено показалось мягче пуховой перины, и он быстро уснул крепким сном праведника. Астролог же всю ночь проворочался с боку на бок, ругая нехорошими словами разную мелкую живность,

⁸ Похоже, создатель Джеймса Бонда, «агента 007», писатель Иэн Флеминг был осведомлен об этом факте биографии Джона Ди. Но даже он не смог докопаться, откуда у придворного астролога королевы Елизаветы I столь странный псевдоним.

приспособившую стог под зимние квартиры, а также мышей, которые совсем не боялись ни самого мага, ни колдовских чар.

Старый угрюмый лес выросал по мере приближения путешественников, будто зубчатая горная гряда. Казалось, между толстенными дубами не протиснуться даже пешему, не говоря уже о лошадях. Но Джон Ди словно уже бывал в этих местах, потому что удобную и достаточно широкую лесную тропу он нашел очень быстро. Уилли, знающий о занятиях своего господина, был уверен: и лес, и тропинка привиделись доктору в магическом зеркале.

Сам маг не мог это утверждать с полной уверенностью; зеркало показывало лишь не очень ясные картины, и приходилось догадываться, что там такое. Скорее всего, древний священный лес друидов и проход в нем приснились доктору неделю назад. Но опять-таки сон тот он помнил смутно, так как не придавал видению особого значения, однако ощутил беспокойство, нарастающее по мере приближения дня, когда его дом посетил Джон Хокинс.

Поиск едва видимой в густой траве тропы напоминал дежа вю. Астролог так уверенно нашел место на опушке леса, где она начиналась, словно бывал в этих краях не один раз. Пока они пробирались по ней, Джон Ди погрузился в анализ этого феномена и даже сразу не сообразил, почему вдруг его андалузец тревожно всхрипнул и резко остановился, а внезапно онемевший Уилли беззвучно разевает рот и размахивает руками, подавая какие-то знаки.

– Что случилось, Уилл? – строго спросил доктор.

Мальчик молча ткнул указательным пальцем вперед, быстро соскочил с седла и спрятался за своего жеребчика. Джон Ди поднял глаза, и то, что он увидел, очень ему не понравилось.

Тропа привела на большую поляну, посреди которой рос огромный дуб. Под ним горел костер, на огне запекался олень, а на траве в живописных позах и не менее колоритных лохмотьях расположились разбойники. В том, что это не королевские лесники, а изгои общества, астролог не усомнился ни на миг. На то указывало оружие бродяг, явно отобранное не только у честных йоменов, но и у благородных дворян. Некоторые из них были вооружены очень дорогими мушкетами и пистолетами, не говоря уже о мечах и шпагах. Но многие по-прежнему предпочитали кистени и большие тисовые луки-лонгбоу, стрелы которых летели на триста шагов и с расстояния в семьдесят—сто шагов пробивали панцирь.

Астролог размышлял над ситуацией недолго. Судя по всему, разбойники не заметили путешественников, поэтому Джон Ди жестом приказал Уилли сдать назад, а сам начал разворачивать своего жеребца.

– Э-эй, господин! Умерь свою прыть! – раздалось, как показалось магу, над самым ухом.

Он поднял голову и увидел сидящих на толстых ветвях дуба двух ухмыляющихся парней. Стрелы их луков нацелены были точно в его незащищенную шею – ехать в шлеме было неудобно и непривычно, поэтому доктор снял его и передал пажу.

– Езжай вперед, – приказал один из них и снова показал свои желтые кривые зубы в усмешке. – Там тебя уже ждут... – Последние слова прозвучали многозначительно; они не предвещали ничего хорошего.

Джон Ди беспомощно оглянулся. И тяжело вздохнул – тропу сзади перекрыли еще трое. Он бросил взгляд на Уилли. Мальчик с выражением отчаянной решимости целился в тех, кто сидел на ветвях. Мушкет заряжался картечью, и доктор знал, что выстрел сметет бродяг словно метлой, но это не станет выходом из создавшегося положения. Если путники начнут сопротивляться, их просто убьют.

– Прекрати! – резко приказал ученику астролог. – И следуй за мной.

Они выехали на поляну. При виде рыцаря на великолепном коне, в сопровождении пажа, разбойники радостно загалдели. Но тут поднялся атаман шайки, и все стихли. В отличие от своих разномастных и разнокалиберных товарищей он был высок, хорошо сложен и одет в добротную одежду. Его можно было бы принять за дворянина, волею судеб пустившегося во все

тяжкие. Однако он имел квадратное, с грубыми чертами лицо, заросшее неухоженной бородой, глубоко посаженные, цвета болотной тины, глаза и мозолистые короткопалые руки, – все свидетельствовало о том, что его матерью, судя по строению черепа, была валлийка⁹, а ему самому хорошо известен тяжелый физический труд.

– Как ты посмел явиться в Священную Рощу?! – гневно спросил атаман; голос у него был сильный, басовитый.

– Смерть ему! – Разбойники вскочили на ноги, и в их руках появилось оружие.

– Мы давно задолжали Донну¹⁰, – негромко, но очень внушительно сказал один из них – широкоплечий, низкорослый, темнолицый, с немного раскосыми глазами. – Его жертвенный камень давно пустует. Боги начали гневаться. Великая Мать услышала наши молитвы и прислала достойную жертву.

Он хищно посмотрел сначала на Джона Ди, а затем на Уилли. Под его немигающим мрачным взглядом мальчик помертвел и задрожал, как осиновый лист. Темнолицый единственный из всех был в звериных шкурах, а шапкой ему служила искусно выделанная волчья морда с хищно оскаленными зубами.

– Помолчи, Бруйд! – сказал атаман. – Не нам судить, должны мы Донну или нет. На это есть Посвященные.

«Пикт... – определил маг, глядя на темнолицего в шапке, и почувствовал, как между лопаток побежал неприятный холодок. – Это худо. Племена богини Дану никогда не отличались кротостью нравов и мягкостью обычаев». В этот момент он пожалел, что не стал сражаться, а сдался на милость бродяг.

– Я доктор Джон Ди, – стараясь, чтобы слова звучали как можно внушительней, с достоинством произнес астролог. Он надеялся, что его слава колдуна дошла и в эти дебри. Увы, астролог ошибся.

– Нам все равно, как тебя зовут, – отрезал атаман. – Ты совершил святотатство, осквернив своим присутствием Священную Рощу, и должен понести наказание. Разоружить его! – повелительно взмахнул он рукой.

Несколько человек бросились исполнять приказание. И тут маг словно сбросил странное оцепенение, овладевшее им на поляне. Он резким движением поднял правую руку с перстнем, направив камень на разбойников, и начал творить заклинание. Джон Ди не знал смысла слов, которые срывались с его языка свободно, без малейшей запинки. Этот текст был давним как мир. Заклинание заставил наизусть выучить отец в ту самую памятную ночь, когда уходил в мир иной. Правда, Роланд Ди не успел объяснить, зачем оно, потому что появился друид. Обычно маг использовал заклятье в сеансах гипноза, хотя подозревал: древние слова имеют совсем другое предназначение.

При первых звуках этой речи пикт вздрогнул, а затем в страхе начал пятиться назад. Остальные разбойники тоже остановились, но по другой причине. На их лицах появилось удивление, которое постепенно сменилось благоговейным ужасом. Им начало казаться, что берилл в перстне мага сначала засветился, а затем и вовсе засиял как маленькое солнце. Свет его лучей слепил людей, а монотонный голос доктора вводил в транс.

– Остановись!!! – как гром раздались чьи-то слова. – Не зови Морриган¹¹, иначе все мы будем обречены!

⁹ Валлийцы – народ, относящийся к «кельтской» группе. Валлийцы отделились от бриттов, другого кельтского народа, ранее населявшего территорию современной Англии. Древней кельтской религией был друидизм – культ поклонения деревьям, что выражено в кельтской астрологии, где вместо знаков зодиака фигурируют деревья.

¹⁰ Донн – темный; «отец богов», мрачное божество, покровитель мертвых. Ассоциируется с тьмой, ночью, холодом.

¹¹ Сестры Морриган, Бадб и Немайн – божества войны древних кельтов; Морриган (главная из них) выбирает тех, кто умрет. Имена ее сестер переводятся как «Ужас» и «Пожирательница мертвых».

Увлеченный гипнотическим сеансом, который он впервые вершил при таком большом скоплении народа, Джон Ди вздрогнул от неожиданности и в недоумении оглянулся. Из лесных дебрей вышел высокий статный старик с седой бородой в длинном белом одеянии, напоминающем плащ. Старец оказался уже знакомым доктору друидом, провожавшим отца в последний путь. На нем был широкий кожаный пояс, украшенный золотыми фигурками птиц и лесных зверей, и большая шейная гривна-торквес, закрывающая половину груди; она представляла собой жгуты, свитые из тонкой золотой проволоки. В руках друид держал бронзовый жезл, верхушку которого украшал огромный изумруд.

Разбойники быстро избавились от заговоренного состояния, и тут же, стыдясь своего испуга, возжаждали крови мага. Блеснули клинки, и лесные бродяги начали окружать Джона Ди и Уилли, вопреки приказу господина снова решительно нацелившего на толпу мушкет. Мальчик уже обрел душевное равновесие и мысленно поклялся, что дорого оплатит путь в загробный мир, коль пришла пора умирать. Не раз битый жизнью, он не считал ее большой ценностью. Впрочем, в ту пору мало кто доживал до старости и смерть не вызывала больших эмоций.

Один лишь пикт не торопился проявлять присущую ему кровожадность. Он так сильно испугался, что готов был немедленно бежать с поляны, забиться в лесную глушь, непроходимую чащобу, – лишь бы подальше от колдуна. Только они со старым друидом знали, о чем шла речь в заклинании мага. И темнолицый сомневался, будто Морриган не услышала обращенных к ней слов.

– Эйлир, убери своих людей! – сказал друид, обращаясь к атаману. – Так вы встречаете моего гостя?

– Прости, о Дрэу, я не знал... – Главарь поклонился друиду. – Глиндур, Тарант, Майлгун, уймите свой пыл! – вскричал он, обращаясь к наиболее прытким, пытавшимся схватить жеребца за узду.

Андалузец уже взбрыкнул, пронзительно заржал и злобно оскалил зубы. Его фиолетовые глаза налились кровью, и доктор с трудом сдерживал порыв коня встать на дыбы и разделаться при помощи копыт с дерзкими людишками, посмевавшимися прикоснуться к нему без разрешения хозяина.

– Расступитесь! – своим грубым басом продолжал командовать Эйлир. – Позвольте помочь, ваша милость, – сказал он почтительно, обращаясь к магу, и подал ему руку.

Но Джон Ди грубоватой любезностью атамана не воспользовался. Его напряженные нервы требовали разрядки, и он соскочил с коня так ловко и с такой потрясающей легкостью, будто ему было по меньшей мере в половину меньше лет. Разбойники одобрительно загудели – не каждый даже молодой рыцарь в боевом облачении способен на такой трюк. Только Эйлир нахмурился и сквозь зубы выругался – помянул темных богов. Ему не понравилось, что гость друида демонстративно отверг его руку.

– Следуйте за мной, – сказал друид магу и вошел в лес.

Тропинки, как таковой, не было и в помине, но старец выбирал удобный путь, чтобы могли пройти лошади. Он петлял среди огромных дубов, забираясь в чащу все дальше и дальше. Деревья, смыкаясь кронами, образовали густой шатер; сквозь него не пробивались ни дождевые капли, ни солнце. Ковер из листьев скрадывал звуки шагов, в лесу царила полная тишина, и в какой-то момент Джон Ди поймал себя на мысли: уж не сон ли все это?

Но вот впереди забрезжил яркий свет, и спустя какое-то время путники оказались на просторной поляне. Ее главной достопримечательностью был огромный дуб-патриарх. Возле него стоял жертвенный камень, а чуть поодаль виднелась бревенчатая хижина друида. Вход в жилище был сбоку, а более длинную стену, которую трудно было назвать фасадом, закрывало полотнище из плохо отбеленной серой холстины. На нем вырисовывалось грубое изображение владыки зверей, рогатого бога-оленья Кернунноса.

Уилли, совсем стушевавшийся на поляне (ему сильно не понравился жертвенник с темными пятнами засохшей крови), неожиданно отскочил в сторону и вскрикнул от испуга.

– Что с тобой? – спросил маг.

– Т-т... Т-там!.. – Сильно побледневший мальчик указывал на густую высокую траву возле каменной плиты.

Джон Ди проследил за его указательным пальцем и увидел в траве свившиеся кольца огромной змеи. Она угрожающе подняла голову, в ее пасти заиграл длинный раздвоенный язык. Наверное, хранительнице жертвенного камня сильно не понравилось, что ее покой потревожили.

– Не бойся, – успокоил мальчика друид. – Это Шшиа. Она безобидна, только очень проголодалась. Нужно ее покормить...

С этими словами хозяин нырнул в хижину, а когда возвратился, в руках у него была глубокая миска, наполненная молоком. Он поставил ее перед змеей – та тут же успокоилась и принялась трапезничать.

– Входите, – сказал друид, указывая на распахнутую дверь своего жилища, и Джон Ди, сердце которого почему-то застучало вдруг как малый кузнечный молоток, пригнулся (входной проем был низковат для него) и переступил порог.

Внутри хижина мало отличалась от дома деревенского знахаря. Те же высушенные корни и пучки целебных трав, висевшие на балках, тот же травяной запах, такие же полки вдоль стен, с различными банками, плошками и горшочками, такой же неказистый очаг, сложенный из дикого камня. И все же, различие было.

Присмотревшись, Джон Ди увидел лягушек, подвешенных за задние лапки над очагом – чтобы они подвялились и высохли. Наверное, старец использовал этих земноводных для гаданий. Кроме того, в углу, из открытого сундука виднелась старинная бронзовая посуда и разная другая утварь. А еще на столе лежала раскрытой священная книга друидов – тонкие деревянные пластины с вырезанными на них письменами алфавита «оуэм»; его дал кельтам сам бог мудрости Огам. Это был настолько древний язык, что даже не все жрецы могли прочесть написанное. Впрочем, молитвы и заклинания с незапятнанных времен друиды знали наизусть.

Пока маг рассматривал внутреннее убранство жилища, хозяин, которого звали Дрэу, что означает «мудрый», достал из сундука кубки и налил в них крепкого ароматного эля. Все уселись и отдали должное превосходному напитку, явно сделанному по стародавним рецептам, как отметил про себя Джон Ди. Эль был очень густым, источавшим неизвестные ароматы, и разогревал кровь посильнее хорошо протопленной печи.

Друид прихлебывал из кубка и вопросительно поглядывал на своего гостя. По законам кельтского гостеприимства он обязан, прежде всего, напоить или накормить пришедшего, и только потом начать деловой разговор. А тот, в свою очередь, должен преподнести старцу какой-нибудь дар.

Подарок у Джона Ди был. Он мигнул Уилли – и мальчик подал дорожную сумку. Маг достал оттуда старинную серебряную чашу, на боках которой было вычеканено рогатое божество и еще какие-то странные звери, не существующие в природе, и с поклоном протянул ее Дрэу.

Нужно сказать, что доктору очень не хотелось расставаться с этим артефактом. Он приобрел его случайно, на развале возле мясного рынка Смитфилд. Там обычно торговали разной экзотической всячиной, чаще всего ворованной. Правда, ценные вещи продавались тоже, но только из-под полы. Наверное, Джон Ди чем-то вызвал доверие у разбитного малого, пытавшегося всучить прохожим рвань непотребного вида. Парень схватил мага за рукав и с таинственным видом поинтересовался, не хочет ли господин потратить малую толику денег на действительно стоящую вещь.

Увидев чашу, Джон Ди даже не стал торговаться, хотя торговец, вопреки своим утверждениям, запросил за нее весьма приличную сумму. Маг сразу понял, какая ценность попала к нему в руки. Мало того, он был уверен: вещь не краденая, а, скорее всего, попавшая в руки торговца от грабителей древних могил. Так что претензий к человеку, приобретшему старинный артефакт, не должно быть никаких.

Первый же магический опыт показал, что в чаше заключена страшная сила. Джон Ди едва концы не отдал, когда, войдя в транс, попытался мысленно подключиться к ее энергетическому полю. Его спас Уилли, прибежавший на крик господина. Доктор, обхватив чашу руками, бился в конвульсиях, и весьма сообразительный мальчик недолго думая выбил артефакт из рук учителя подвернувшейся в суматохе палкой. С той поры владелец лишь поглядывал на чашу, как кот на колбасу, и сокрушенно вздыхал. Его так и подмывало повторить эксперимент, но чей-то властный голос изнутри говорил: «Нельзя! В ней – твоя погибель».

Так что этот подарок хозяину леса был для Джона Ди своего рода избавлением от навязчивой идеи, а значит, и от смертельной опасности.

Увидев чашу, друид вмиг растерял невозмутимость и спокойствие. Он схватил ее дрожащими от волнения руками и, даже не успев рассмотреть, как следует, воскликнул:

– О, всемогущий Донн, я не верю своим глазам! Ведь это чаша Дридваса!

Чаша Дридваса! Доктор был поражен не меньше, чем старый жрец. Дридвас был одним из самых знаменитых Посвященных. Он мог повелевать стихиями – вызывать землетрясения, прекращать сильные ливни, разгонять тучи или, наоборот, собирать их, чтобы вызвать живительный дождь. По древним преданиям, Дридвас не умер, и боги забрали его к себе живым.

– Дороже этого дара я не могу представить, – между тем продолжал взволнованный друид. – Знаю: у тебя ко мне какая-то просьба. Говори. Все, что в моих силах, сделаю.

– Мне нужен драгоценный камень для подвески, – не стал тянуть маг. – Не простой камень, а приносящий удачу.

– Зачем он придворному астрологу королевы? – удивился Дрэу. – Ты и так обласкан судьбой. Тебе покровительствует сама богиня мудрости Керридуэн. Она даже присутствовала при твоём рождении. Тебя ждут великие свершения без всяких талисманов.

– Это не мне. Меня попросили... я не смог отказать.

– Понятно... – Друид уныло скривился. – Надеюсь, будущий обладатель подвески – человек достойный?

– Не знаю, – честно признался Джон Ди. – Мы не знакомы. Мало того, мне известно лишь имя – Френсис. За него хлопотал его родственник.

– Даже так... – Дрэу ненадолго задумался. – Ладно, слово не воробей... Я обещал и постараюсь выполнить твою просьбу. У тебя есть хоть что-то от ходатая, какая-нибудь вещь?

– Зачем?

– Нужно узнать, что скажут боги, – сурово ответил друид. – Если они будут против, талисман не получит настоящей силы.

Астролог пошарил в кошельке и достал оттуда золотой соверен, полученный от Джона Хокинса.

– Монета подойдет?

– Вполне.

Дрэу положил монету на стол, взял в руки жезл и прикоснулся им к соверену. На какое-то время в хижине воцарилась мертвая тишина. Жрец закрыл глаза и превратился в неподвижное изваяние. Маг с интересом наблюдал за процессом гадания. Он знал о нем, но никогда прежде не сталкивался с подобным методом общения с потусторонним миром. Наконец старец открыл глаза и каким-то деревянным голосом произнес вердикт:

Бушующее море.

Изобильная твердь.
Принесет он многим горе.
Принесет он многим смерть.

На последнем слове он вздрогнул, и взгляд его стал осмысленным.

– На этом золоте кровь, – произнес жрец с отвращением. – Много крови.

– Я знаю, – спокойно ответил маг. – Но это кровь врагов Британии.

– Тот, кому предназначена подвеска, также прольет много крови во славу Британии, – сказал друид. – Но не той страны, которую знали наши деды, а другой, погрязшей во всех мыслимых и немыслимых пороках. Однако ты имеешь на сей счет иное мнение, поэтому продолжать разговор на эту тему бессмысленно. Знай лишь одно: если чаша с грехами Британии на весах Ллеу¹² опустится вниз, то Немайн запряжет свою черную колесницу, и тогда живые позавидуют мертвым.

С этими словами Дрэу пошел в угол хижины, где стоял таз и кувшин с водой, и тщательно вымыл руки, словно только что прикоснулся к чему-то очень грязному. Возвратившись к столу, друид одним глотком допил свой эль и обратился к Джону Ди:

– Ты получишь камень. Боги не сказали ни «да» ни «нет». Они были безразличны. Значит, выбор за мной. И я его уже сделал. Чаша Дридваса перевесила все мои возражения и сомнения. То, что она вернулась в Священную Рошу, не случайность. Так было предопределено.

Он перевел рассеянный взгляд на мальчика, забившегося в угол, как мышонок в подполе, изо всех сил стараясь не шуметь и не двигаться, чтобы о нем забыли. Обычно смелый и независимый, Уилли едва не обмочился от страха, когда увидел глаза друида, засверкавшие на какое-то мгновение, словно два изумруда в солнечных лучах.

– Нужно принести очистительную жертву, – отвернувшись от Уилли, произнес жрец, снял со стены бронзовый ритуальный нож с серебряной рукоятью и взял в руки деревянную чашу с резным орнаментом, изображавшим листья дуба и желуди.

При этих словах мальчик тихо охнул и беззвучно заплакал. Он обладал живым воображением и мгновенно представил себя на жертвенном камне, тем более, что друид, как ему почудилось, посмотрел чересчур злобно. Дрэу опять взглянул на Уилли, снисходительно улыбнулся и молвил, обращаясь к магу:

– Мальчик должен остаться в хижине. А ты будешь мне помогать.

Джон Ди хотел было воспротивиться, но вовремя вспомнил, что его занятия магией тоже не очень-то в ладах с церковными уложениями и христианской верой. Он поднялся и молча последовал за жрецом в загон для коз. Старец поймал белого козленка, и вскоре обряд начался.

Маг не очень прислушивался к бормотанию друида, который перерезал козленку горло, сцедил кровь в чашу, а затем вылил в огонь, разожженный на жертвенном камне. Его сильно смущала древняя церемония. Дрэу по-прежнему был в белом облачении, лишь водрузил на голову венок из дубовых листьев. По окончании церемонии жрец быстро освежевал козленка, насадил на вертел, и вскоре аппетитные запахи печеного мяса наполнили хижину. Уилли уже успокоился и глотал голодные слюнки, наблюдая за приготовлением обеда.

Ели с торжественной неторопливостью и в полной тишине – так полагалось по старинному обычаю. После трапезы друид снова повел Джона Ди к жертвенному камню, разгреб золу давно погасшего костра и достал оттуда, как показалось магу, черную головешку. Дрэу слегка стукнул по головешке обухом топорика – черная скорлупа рассыпалась, и пораженный до глу-

¹² Ллеу, Луг Ламхада, сын Солнца – бог-созидатель, покровитель искусств и ремесел в Уэльсе и Ирландии.

бины души доктор увидел на темной заскорузлой ладони друида... большой розовый камень! Джон неплохо разбирался в минералогии и сразу определил, что это шпинель¹³.

Ее прозвали «камнем королей». Талисман из шпинели был способен помочь хозяину повернуть судьбу вспять: очистить и возродить павшего, махнувшего на себя рукой человека, поднять его из ничтожного состояния. Однако он изменял ситуацию в целом, а не частные ее проявления. Также камень позволял владельцу прогнозировать будущее.

Джон Ди хорошо знал историю с английским королем Генрихом V. Огромный розово-красный камень некогда принадлежал мавританскому властителю Гранады, и был отнят у него королем Кастилии Педро, а несколько позже передан в дар наследнику английского престола принцу Уэльскому. Генрих V носил его как амулет на шлеме. В битве при Азенкуре в 1415 году от удара герцога Алансонского шлем короля раскололся, но ни он, ни шпинель не пострадали.

Похоже, жрец и сам удивился (или сделал удивленный вид), что в головешке оказался «камень королей». Он поднял глаза вверх и вознес короткую молитву на неизвестном магу языке. А потом произнес:

– Нам не дано знать намерения богов. Но они явно благосклонны к будущему владельцу талисмана. Не знаю только, надолго ли...

Больше Джону Ди в Священной роще делать было нечего. Гости распрощались с хозяином леса – не холодно и не тепло, а просто сдержанно – и вскоре маг с учеником двинулись по уже известной тропе, стараясь как можно быстрее покинуть мрачную чащу. Разбойники куда-то исчезли, но доктору казалось, что их глаза следят за ними из кустов, и чувствовал он себя очень неудобно.

Маг уже понял, что лесные бродяги поклоняются древним богам и охраняют Священную Рощу. Но как мог друид связаться с таким отребьем? Это был вопрос, на который астролог не находил ответа. Хотя... Говорят, утопающий хватается за соломинку. Гонения всесильной церкви на древние верования не оставляли друидам иного выбора. Если на тебя напал враг, то безразлично, каким оружием ты воспользуешься. Иногда обычный булыжник оказывается гораздо действенней благородного рыцарского меча.

Джон Ди напряженно размышлял. Его охватили сомнения. Неужели шпинель и впрямь сотворилась из крови жертвенного козленка с помощью древних заклинаний. В голове это не укладывалось. Может, друид просто обманул, продемонстрировав некий фокус? Маг и сам иногда прибегал к таким невинным обманам. Видимо, жрец решил показать астрологу, настолько сильна древняя религия. А если нет? Если шпинель и впрямь была положена на жертвенник божественной дланью?

Доктор совсем запутался в своих мыслях. В отчаянии махнув рукой, он постарался переключиться на что-то другое. А юный Уилли в это время напевал балладу, бывшую в последнее время у всех на слуху:

О смелом парне будет речь.
Он звался Робин Гуд.
Недаром память смельчака
В народе берегут...

Джон Ди обернулся в седле и неодобрительно посмотрел на мальчика, но тот словно и не заметил укоризны во взгляде своего господина. Его звонкий голосок, казалось, пробудил лес, дремлющий по-стариковски. По кудрявым верхушкам трехсотлетних дубов пробежал вестерок, они закричали, застонали; ветер разорвал плотный лиственный шатер, и солнце наконец

¹³ Шпинель – драгоценный прозрачный камень, по твердости несколько уступающий рубину.

заглянуло в мрачное царство Священной Роши, вызолотив своими лучами опавшую дряхлую листву, которая вмиг стала похожа на дорогой ковер.

Глава 1. Каперы

Небольшой двухмачтовый пинк¹⁴ «Двенадцать апостолов» прыгал на балтийской волне словно резвый конек. Капитан судна, подданный датской короны Карстен Роде, стоял на юте и с беспокойством вглядывался в туманный горизонт. Он был высок, широкоплеч, и в каждом его движении угадывалась нерастратенная энергия молодости. Резко очерченное лицо с хищным орлиным носом обрамляла короткая темно-русая борода, стрелки небольших усов смотрели в небо, а живые светло-серые глаза капитана сверкали, как два бриллианта.

Время от времени Карстен Роде оборачивался, и тогда на его молодом, но уже изрядно обветренном лице морского скитальца появлялась довольная улыбка. Позади в кильватер шли семь пузатых торговых посудин, нагруженных под завязку. И все они принадлежали ему! Капитан чувствовал себя по меньшей мере адмиралом с таким флотом.

Ранним утром – еще и петухи не пели – он покинул Ругодив, как москвиты называли Нарву, и теперь держал курс на Копенгаген, где намеревался с большой выгодой продать товары, закупленные у русских: кожу, хлеб, сало, меха и пеньку. Карстен Роде с благодарностью вспоминал бывшего моряка и торговца Ханса Берге. Тот дал ему добрый совет, куда вложить капитал, нажитый на каперской¹⁵ службе у датского короля Фридриха II. Капитан даже представить не мог, что медь, олово и порох в Московии так дорого ценятся. За этот товар он выручил гораздо больше, чем предполагал. Если Фортуна, эта капризная, своенравная девка, ему не изменит, то вскоре он, голштинiec¹⁶ Карстен Роде, сын разорившегося бауэра¹⁷, станет вровень с самыми известными представителями старых купеческих фамилий.

– Капитан! Не пора ли нам потешить старину Бахуса? – раздался рядом веселый голос.

Карстен Роде покосился на подошедшего штурмана Ганса Дитрихсена и отрицательно покрутил головой.

– Тебя что-то тревожит? – спросил штурман.

– Да. Польские каперы. Это их места. Впереди остров Даго. Хорошо бы проскочить его, пока над морем висит туман...

– Пусть помогут нам святой Николай и матушка Бригитта... – Ганс перекрестился.

«Давно ли ты, дружище, стал таким набожным?», – хотел было подколоть друга и земляка Карстен Роде, но сдержался. Ганс Дитрихсен тоже был капером и отличался большой храбростью в абордажных боях. Вместе они пустили на дно много шведских и польских посудин, и кутласс¹⁸ Ганса никогда не оставался чистым.

* * *

Балтийское море в те времена являло собой арену ожесточенной борьбы нескольких держав, бившихся за установление своего контроля на торговых путях, связывающих балтийские

¹⁴ Пинк, пинка – двух- или трехмачтовое промысловое и торговое судно XV—XIX вв. с плоским дном, выпуклыми боками и узкой кормой; в Северной Европе имело 2 мачты с прямыми, а на Средиземном море – 3 мачты с косыми латинскими парусами. Использовалось для разведки и крейсерских операций. Водоизмещение 50—200 т. Вооружалось гладкоствольной артиллерией, в основном калибра 4—8 фунтов (до 20 пушек). На Балтике пинком называли любое небольшое судно с узкой кормой. Ценилось за скорость и маневренность.

¹⁵ Капер, корсар – частные лица, которые с разрешения верховной власти воюющего государства снаряжали за свой счет судно с целью захватывать купеческие корабли неприятеля, а иногда и нейтральных держав (нем.).

¹⁶ Голштинiec – житель датского герцогства Голштинии (Голштейна), расположенного на севере Германии.

¹⁷ Бауэр – фермер (нем.).

¹⁸ Кутласс – главное холодное оружие пиратов – короткий, заостренный с одной стороны меч. Внешне напоминал саблю, но был короче и массивнее.

порты. Польские, литовские и шведские корсары перехватывали датские и ганзейские¹⁹ купеческие суда, шедшие в Ругодив и другие города, принадлежавшие русской короне. Одни только копенгагенские купцы понесли от морского разбоя убытку больше чем на 100 тысяч талеров²⁰. В ответ на это их король Фридрих II снарядил свою флотилию каперов. И понеслась потеха, в которой Карстен Роде принимал живейшее участие.

Он появился на свет в северной Германии, в крестьянской республике Дитмаршен. Это «государство» просуществовало довольно долго – с 1227 по 1559 год. Официально крестьяне подчинялись лишь епископу Бремена, но подчинение это было скорее формальным. Реально бременские прелаты довольствовались подарками на Рождество и в политику не лезли. Республика состояла из двух десятков округов, по числу церковных общин. Каждая община управлялась советом из 12 крупных землевладельцев, общее руководство осуществлял «Совет сорока восьми».

Дитмаршенцы были очень зажиточными. Их дома – добротные, большие, с крутыми соломенными крышами, обширными стойлами для лошадей и коровниками, наполненные тяжелыми сундуками с добром, резными шкафами и витражами цветного венецианского стекла в оконных рамах, – совсем не были похожи на убогие лачуги других провинций.

Естественно, находились и те, кто хотел бы прибрать крестьянскую вольницу к своим рукам. Как правило, в этой роли выступали датские короли и союзные им герцоги германских земель Шлезвига и Голштейна. В течение XIV—XVI веков таких попыток было несколько, и все они окончились печально для нападавших. Кульминации эта борьба достигла в феврале 1500 года в знаменитой битве при Хеммингштедте.

Датский король собрал довольно значительную по тем временам силу, легендарную «Черную гвардию» – элитное подразделение ландскнехтов численностью в четыре тысячи человек. За ней следовало ополчение и рыцарская конница, в которую собрались представители практически всех благородных семейств Дании и Голштинии. Была даже артиллерия (где-то в обозе; какой же рыцарь станет в бою вместо дедовского меча полагаться на эти новомодные штучки?).

Но крестьяне оказались далеко не беззащитны. Их ополчение почти не уступило численности королевской армии. И снаряжение было не хуже, чем у ландскнехтов. А главное, чуждые предрассудков бауэры не пожалели денег на огнестрельное оружие, особенно пушки. Открыв в нужных местах шлюзы и поставив запруды на реках, они превратили всю местность в непроходимое болото. Армия короля была вынуждена двигаться по единственной удобной дороге – гребню дамбы. Так они и шли – почти десятикилометровой растянутой колонной, пока у деревни Хеммингштедт не уперлись в баррикаду.

Пушки на баррикаде открыли губительный огонь вдоль насыпи, поражая застопорившуюся пехоту. Рыцари попытались обойти препятствие, но завязли в тине. В это время brave крестьянские парни – в их числе был и дед Карстена Роде – скинули кирасы и тяжелые каски и, используя алебарды в качестве шестов для прыжков через канавы, преодолели заболоченный участок, напав сзади на обоз, где находились и датские пушки. В течение трех часов армия датчан была полностью уничтожена.

Редко простым поселянам удавалось устроить такую знатную трепку рыцарскому войску. Однако главное то, что сражение при Хеммингштедте очень ослабило Данию: затрещала по швам вся скандинавская уния и двадцать лет спустя о своей независимости заявили шведы. Пример Дитмаршена оказался заразительным.

¹⁹ Ганза – союз немецких свободных городов в XIV—XVII вв. в Северной Европе. В него входили города Германской империи, либо города, населенные немецкими гражданами (бюргерами), имеющие автономное городское управление и собственные законы. В ганзейских городах существовали представительства и филиалы Ганзы (конторы),

²⁰ Талер – большая серебряная монета, эквивалент золотого гульдена (см. с. 43), которую начал чеканить в 1484 г. эрцгерцог Тироля Сигизмунд. Талер делился на крейцеры в Австрии и Юж. Германии; в Сев. Германии он делился на гроши. Количество серебра в талере примерно 27 г.

Любовь к свободе Карстен Роде впитал с молоком матери. Тяжелый крестьянский труд совсем его не прельщал. И в один прекрасный день юный забияка и кутила сбежал из дому и завербовался в ландскнехты. Капитал, чтобы купить себе снаряжение, у него имелся: Карстен подсмотрел, где отец держал талеры на «черный день».

Ландскнехты нанимались в основном из бедноты. Они были своеобразным германским ответом швейцарской пехоте и испытывали к швейцарцам большую неприязнь, вследствие чего обе противоборствующие стороны, сражаясь друг с другом, пленных не брали, пускали всех под нож. Как и любые наемники, в условиях войны ландскнехты не чуждались грабежа и разбоя, поэтому зарабатывали в месяц больше, чем бауэр за год, что Карстена Роде вполне устраивало.

Спустя какое-то время их капитан назначил молодого, но храброго и выносливого, а главное, удачливого бойца своим помощником – лейтенантом. Капитаном (или кондотьером) «компании» – так называлась рота ландскнехтов – был дворянин, рыцарь. Все имелось у него – и стать, и зычный голос, так необходимый в бою, и благородное происхождение, и рубился он знатно, да вот беда – не разумел грамоты. В отличие от Карстена – для детей Дитмаршена посещение школы было обязательным. Там изучали «семь свободных искусств» – грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Возможно, это обстоятельство и сыграло основную роль в возвышении Карстена Роде.

Дисциплина в компании поддерживалась очень суровыми мерами – телесными наказаниями (за неисполнение приказа), а в случае тяжких преступлений (бегства с поля боя) и смертной казнью. Наказания назначал капитан, и исполнялись они перед общим строем. Порка строптивца или расстрел труса служили средством воспитания не только наказуемого, но и его товарищей.

Снабжение компании обеспечивалось, как правило, маркитантами. Обычно ландскнехты почти не делали сбережений, поэтому такая торговля была очень выгодной и недостатка в снабжении не наблюдалось. Так уж случилось, что Карстен Роде влюбился в юную маркитантку, в жилах которой текла изрядная примесь цыганской крови. Смуглая черноглазая красотка так вскружила ему голову, что бравый лейтенант, наплевав на воинский долг, должность и контракт с кондотьером, оставил компанию, не забыв прихватить с собой ротную казну. Естественно, по совету маркитантки. Сам он до этого недодумался бы – воров в Дитмаршене днем с огнем нельзя было сыскать. Дитмаршенцы старались воспитать своих детей честными, грамотными и трудолюбивыми.

Любовь закончилась быстро – на расстоянии в двадцать лье²¹ от лагеря ландскнехтов. Она буквально испарилась... вместе с накоплениями наивного глупца Карстена и содержимым ящика с казной роты. Ветреная девица ушла от него ночью, когда он спал, даже не попрощавшись. Наступило отрезвление и раскаяние, но было уже поздно. Беглый лейтенант ужаснулся своего поступка. Теперь отрезаны все пути – и домой, и к ландскнехтам, образ жизни которых ему импонировал, и в Голштинию, и в другие земли королевства. Карстен Роде знал – обманутый в своих лучших чувствах капитан постарается достать его даже из-под земли.

В Дитмаршене его ждал позор, а в лагере ландскнехтов – презрение боевых товарищей и расстрел. Единственным местом, где не могла достать карающая длань кондотьера, было море. Недолго думая, Карстен Роде стал подданным датского короля и записался в каперы. Спустя короткое время, изучив морскую науку (благо подготовка у него была фундаментальной), молодой дитмаршенец стал капитаном корсаров. А уж оружием он владел так, как никто другой из морской вольницы. Все-таки служба в роте ландскнехтов многое ему дала по этой части.

²¹ Лье – старинная французская единица измерения расстояния. Сухопутное лье равно 4445 м, морское – 5556 м.

* * *

– Карстен, ты что, уснул стоя?!

Крик Ганса Дитрихсена почти над самым ухом заставил вздрогнуть капитана, ударившего в воспоминания. Он с недоумением посмотрел на штурмана, лицо которого было искажено страхом, и спросил:

– Что случилось?

– А ты не видишь?! Пираты!

– Где?! – всполошился и Карстен Роде.

– Вон там! Посмотри направо!

Пиратские посудины выплывали из молочной туманной дымки словно призраки. Они появились совсем не с той стороны, откуда их можно было ждать. Похоже, пираты обосновались на Аландских островах с их тысячами шхер. А это значило, что они находятся под покровительством Швеции. Потому что на Даго, насколько было известно Карстену Роде, в основном базировались морские разбойники, свободные от любых обязательств, – весьма разношерстная компания.

Там обретались остатки витальеров²² и ликеделеров²³, которых разгромили, объединившись, Тевтонский орден и Ганза, а также набирающие силу флекселинги²⁴ – новая напасть Балтийского моря, и «свободные художники» – пираты всех мастей, не признающие над собой никакой власти, за исключением выборного капитана.

Изрядно поредевшие, они участвовали как каперы на фризской службе в морской войне против голландцев, служили голштинскому дворянству, воевали против датчан, и даже время от времени поступали на службу к своему главному врагу и обидчику, Ганзейскому союзу. Но больше действовали на свой страх и риск. После гибели последнего предводителя ликеделеров Ганса Энгельбрехта большая их часть переместилась на Британские острова. Остались лишь самые отчаянные и упертые.

Карстен Роде пригляделся к пиратским судам. На флагмане – это был двухмачтовый военный когг²⁵ – полоскался на ветру, обещавшем быстро разогнать туман, красный флаг с гербом правящей в Польше династии Ягеллонов – белым орлом Пястов²⁶. Капитан похолодел – у него с поляками в свое время были большие трения. И если он попадет к ним в плен... Лучше об этом не думать.

– Свистать всех наверх! К бою! – скомандовал Карстен Роде.

Звонкой трелью залился боцманский свисток, и на орудийной палубе началось шевеление. Боцман Клаус Тоде, старый морской волк, побывавшей не в одной передраге, тоже увидел неприятеля и с удивительным спокойствием поглядывал на ют, дожидаясь приказаний. Он,

²² Витальеры – братья-витальеры; объединение пиратов Балтийского (опорный пункт – о. Готланд), позже Северного (о. Гельголанд) морей (XIII—XV вв.). Пользовались поддержкой бедноты ганзейских городов.

²³ Ликеделеры – равнодольные (от нижненемецких слов «лике деель», то есть «равные доли», на которые пираты якобы делили всю захваченную добычу). Образовались из остатков разгромленных витальеров.

²⁴ Флекселинги, печелинги – так в Европе и Новом Свете называли голландских каперов. Название пошло от основного порта их базирования – Флиссинген. Термин этот появился с середины 1570-х годов, когда опытные и выносливые голландские моряки – «морские плуты» – начали завоевывать большую славу по всему миру.

²⁵ Когг – высокорортное торговое палубное судно длиной до 30 м, шириной до 8 м, с осадкой в 3 м и грузоподъемностью 200—500 т. Начиная с XVI в. начали строить военные когги. На них устанавливали 20 и более бомбард, уложенных на деревянные лафеты.

²⁶ Орел Пястов – древняя эмблема Польского государства – белый орел на красном поле. Согласно преданию, легендарный прародитель поляков Лех основал первую польскую столицу Гнезно на месте, где он увидел орлиные гнезда на деревьях, а над ними парящего белого орла на фоне неба, красного от лучей заходящего солнца. Впоследствии изображение орла стало гербом многих представителей первой польской королевской династии Пястов (кон. IX в. – 1370 г.).

так же, как капитан и штурман, немало походил по морям в качестве капера. И деньги у него водились. Можно было спокойно вернуться в родной Дитмаршен и наслаждаться покоем в тени яблоневого сада, посаженного собственноручно еще в молодые годы, когда голова юного Клауса была переполнена различными идеями, планами и устремлениями. Но боцман не очень торопился «сушить весла».

Как-то в портовой таверне, в хорошем подпитии, Клаус признался, что лучше уж пойти на дно в славной баталии, чем каждый день отражать наскоки своей жены Фелиции, которая – отдадим дань справедливости – была весьма симпатичной особой, но обладала удивительно склочным характером.

– Ты в своем уме?! – воскликнул штурман. – Опомнись! У них там когг и четыре пинка. Это минимум сто фальконетов²⁷ и картаун²⁸. А у нас всего семьдесят «соколов». Мы ведь сняли с других посудин половину пушек, чтобы взять побольше груза. Нам не выстоять! Нужно уходить в шхеры. Они не догонят.

– Нас?! – взвился, как ужаленный, Карстен Роде. – Ты, хочешь оставить остальные корабли, как приз, этим наглым ляхам?! Не бывать этому! Мы примем бой!

Одна только мысль о том, что сейчас он может потерять все нажитое потом и кровью – в прямом смысле, приводила его в исступление. Прижимистая крестьянская натура, неожиданно проснувшись в этот критический момент, мигом взбунтовалась против такого «свято-татства», напрочь лишив осторожного и предусмотрительного Карстена Роде последних крох благоразумия.

Увидев светло-серые глаза капитана, совсем побелевшие от ярости, Клаус Тоде решил ретироваться. Он знал: Карстен, обычно мягкий и приветливый с друзьями, свирепеет, когда ему перечат в боевой обстановке. Штурману пришел на память случай, как во время схватки со шведским конвоем в их бытность каперами неистовый Роде без лишних слов разрубил одного из своих помощников едва не до пояса, когда тот запаниковал и потребовал выйти из боя. А затем Голштинiec приказал идти на совершенно безумный абордаж шведского судна, и первым перемахнул на его борт. Каперы, воодушевленные храбростью молодого капитана, устроили там страшную резню.

Польские пираты приближались. Как ни старались грузовые суда Карстена Роде прибавить в скорости, расстояние между ними и флагманским коггом хоть и медленно, но сокращалось. Ганс Дитрихсен мысленно впал в отчаяние, но методичная немецкая натура помимо воли заставляла его тщательно готовиться к предстоящей баталии. Канониры раздували фитили, другие моряки натягивали над шкафутом²⁹ прочную веревочную сеть для защиты от падающих обломков рангоута, а боцман подгонял их крепкими словечками, при этом на его грубоватом широком лице блуждала загадочная улыбка.

«Ему хоть бы хны... – тоскливо думал штурман, заряжая пистолы. – Вишь как веселится. Может, и вправду нужно завести жену, чтобы жизнь на суше медом не казалась. Дьявол! И угрозило меня перед выходом в море чихнуть на левом борту³⁰! Что ж, теперь держись, Ганс...».

Сражение закончилось быстро – даже не начавшись. Капитаны грузовых посудин из каравана Карстена Роде... сдались практически без единого выстрела. Все они были датчанами,

²⁷ Фальконет – сокол (фр.); артиллерийское орудие калибра 50—100 мм, стреляло свинцовыми ядрами; начиная с XVIII в. фальконет назывались также полковые пушки калибра 45—55 мм.

²⁸ Картауны – пушки калибром от 40 до 48 фунтов во Франции получили название курто (courtaud), а у немцев – картауны (cartauen). 48 – фн. калибр характеризовал полную, цельную пушку. Различались: двойные пушки или двойные картауны (96 фн.), полупушки (24 фн.), четверть пушки (12 фн.) и 1/8 пушки (6 фн.). Калибр орудия определялся весом ядра, т.е. 48-фунтовая морская пушка стреляла ядрами весом около 24 кг.

²⁹ Шкафут – средняя часть верхней палубы от фок-мачты до грот-мачты либо от носовой надстройки (бак) до кормовой (ют).

³⁰ Старинная морская примета: при отплытии чих на левом борту – признак предстоящего кораблекрушения или вообще гибели, на правом – удача в плавании.

людьми случайными в колоде бывшего капера и предусмотрительно подрядились к нему лишь на один рейс. Чужаки в небольшом портовом городке Аренсбург, где Карстен Роде купил и оснастил весь свой «флот», всегда вызывали подозрение, тем более люди богатые. А Голштинцев денег не жалел, швырялся ими налево и направо, что еще больше настораживало скуповатых и прижимистых аренсбургцев. Так какой смысл подставлять свою голову под нож польского капера, если ты на палубе чужого судна, а аванс за рейс уже покоится дома, в надежном сундуке? Сдавшихся на милость победителя пираты обычно отпускали восвояси, предварительно опустошив кошельки и карманы. Но это не беда, деньги дело наживное...

Карстен Роде буквально обезумел, видя такое предательство. Они могли и обязаны были драться! Молодой, но уже опытный моряк знал по личному опыту, что в морском сражении главное не количество кораблей, а храбрость. Ввязываясь в драку – и будь что будет. Тем более, Карстен Роде уже разглядел, что собой представляла пиратская флотилия.

Пинки, конечно, хорошо вооружены, но все они стары, судя по обводам и облезшим бортам, а значит, менее поворотливы, чем корабли Голштинца, которые прошли килевание³¹ и были переоснащены перед выходом в море. А что касается когга, то этот неповоротливый тип никогда не отличался хорошими боевыми качествами. Нужно было опасаться лишь крупнокалиберных картаун поляка, но на это есть маневр, а Карстен Роде уже сообразил, как подбаться к коггу поближе, чтобы выйти из зоны обстрела его пушек.

Капитан пиратского когга «Корона» Эндрих Асмус с удовлетворением потирал руки. Какой идиот управляет флагманским пинком датского купеческого каравана? Судно развернулось, встало на бакштаг³², и полным ходом шло на сближение с его кораблем. Еще немного – и картауны когга превратят пинк в обломки.

– Приз сам плывет нам в руки, Кшиштоф! – прокричал он своему лейтенанту, который был немного глуховат.

Кшиштоф Бобрович, контуженный в недавнем бою, весело закивал в ответ. Он не слышал ни единого слова капитана, но по выражению его лица все понял. Правда, в отличие от Эндриха Асмуса лейтенанта насторожило, что купеческий пинк летит к ним под всеми парусами, словно влюбленный шляхтич к паненке. По всем канонам морского боя он должен удирать, так как путь на запад ему открыт, а когг, пусть и военный, не та посудина, чтобы сравняться в скорости с пинком.

– Огня! – наконец скомандовал Эндрих Асмус, и тяжелые картауны дружно громыхнули, окутав паруса пороховым дымом. – Добжэ, добжэ!

Капер понял свою ошибку лишь тогда, когда дым рассеялся. Прицел был взят слишком высоко, и ядра плюхнулись в воду за кормой пинка. Только одно из них немного повредило снасти противника, но это обстоятельство практически не сказалось на скорости судна – утренний туман растаял, оставив после себя лишь полупрозрачную дымку, и ветер значительно усилился.

– Холера! – выругался Эндрих Асмус. – На бога! Готовьте мушкеты! – рявкнул Бобровичу капитан когга.

До него наконец дошел замысел капитана пинка: тот решил пойти на абордаж. Такой поворот событий был чистейшим безумием, но это не очень воодушевляло поляка: теперь людских потерь точно не избежать, чего очень не хотелось бы. Эндрих Асмус оглянулся на свою флотилию и опять вспомнил всех святых. Его молодцы уже всю хозяйничали на грузовых посудинах датчан, так что помощи от них ждать не приходилось. Они были убеждены, что уж с малюткой пинком их капитан сам справится играясь.

³¹ Килевание – наклон судна с целью осотра и ремонта его подводной части. Выполняется посадкой судна на мель в отлив.

³² Бакштаг – попутный косой ветер, между полным (фордевинд) и полуветром (галфинд), и сам курс корабля этим ветром. В бакштаг идут штирборт или бакборт, правым или левым галсом, смотря по тому, с правой или с левой стороны ветер. (Выделенным шрифтом – определения, встречающиеся далее по тексту.)

Увы, подобная уверенность испарилась с первым же залпом орудий противника. Судно купца использовало момент, когда канониры когга перезаряжали свои картауны. Оно приблизилось почти вплотную к правому борту капера, и дружный залп фальконетов превратил бушприт³³ «Короны» в обломки. Не менее трех ядер прошли и борт когга. Теряя управление, корабль капера вильнул вправо, и его борт буквально приклеился к борту пинка.

Послышались крики раненых, треск ломающегося дерева и лязг абордажных крючьев, вцепившихся в когга словно щупальца кракена³⁴. Опешившие каперы успели произвести всего несколько выстрелов из мушкетов, когда на палубу их корабля ворвались матросы Карстена Роде.

Для своего пинка Голштинiec отбирал лучших. Большинство из них принадлежало к «вольному братству». Они слонялись на берегу без дела, пропивая в портовых тавернах последние монеты в ожидании найма, и предложение достаточно известного в их кругах капитана Роде стать на время купцами (надолго никто не соглашался; пират – это состояние души) приняли с радостью – хоть какой-то просвет в их скудной жизни сухопутных крыс. К тому же Голштинiec пообещал хорошие премиальные. А слово он умел держать крепко.

Поэтому польские каперы столкнулись не просто с матросами купеческого корабля, мало смыслящими в военном деле, а с прожженными проходимцами, которых хлебом не корми, а дай подраться. Тем более, у датчан не было мотива щадить поляков: те обычно держали сторону шведов, а Швеция и Дания были вечными соперниками на Балтийском море.

Заварушка забурилась нешуточная. К тому же со второй волной нападающих на борт «Короны» взобрался и сам Карстен Роде, оставив вместо себя Ганса Дитрихсена. Это сделало схватку еще ожесточенней. Капитан понимал, что если не удастся захватить когг, шансов не только сохранить или приумножить свои богатства, но даже просто выжить, у него не будет.

Под натиском матросов пинка ошеломленные поляки, мигом превратившиеся из охотников в дичь, отступили со шкафута на корму и на нос корабля. И, пока шла бешеная рубка, несколько человек из команды Карстена Роде прорвались к картаунам и захватили канониров, а также кладовку в трюме, где хранился боезапас. Увидев такой поворот, Ендрих Асмус в отчаянии пообещал поставить в костеле перед образами пудовую свечу и дать на нужды храма тысячу талеров.

Но Карстен Роде радовался успеху недолго. Наверное, обращение поляка к божественным силам, весьма существенно подкрепленное материально, возымело свое действие. Пока шла схватка, один из капитанов Ендриха Асмуса оказался менее жадным и более сообразительным, нежели его товарищи. Кого окриками, а кого и доброй оплеухой он загнал своих матросов, возбужденных богатой добычей, на борт когга и поспешил на выручку Ендриху Асмусу.

Поляки, сильно недовольные этим распоряжением, неожиданным наскоком вмиг захватили пинк под командованием Ганса Дитрихсена (он все-таки дрогнул при виде превосходящих сил противника), и со всей злостью навалились на абордажную команду. Вскоре из всех датчан на палубе «Короны» остался лишь капитан Карстен Роде и боцман Клаус Тоде. Оба знали, что обречены, поэтому, прижавшись к мачте, дрались остервенело. В конце концов пираты отступились, и в образовавшийся круг вошел ухмыляющийся Ендрих Асмус, несколько минут назад не веривший в свое спасение. Может, потому он и приказал пощадить оставшихся в живых – и на пинке, и тех, кто сражался спиной к спине возле мачты когга.

– Сдайте оружие! – властно приказал поляк.

Каперы нацелили на Роде и боцмана мушкеты. Те переглянулись, и Клаус Тоде спросил:

– Как ты думаешь, Фелиция буде плакать по мне, когда я погибну?

³³ Бушприт – горизонтальное либо наклонное рангоутное дерево, выступающее вперед с носа парусного судна. Бушпринт предназначен для вынесения вперед центра парусности, что улучшает маневренность.

³⁴ Кракен – в европейской мифологии морское чудовище с множеством щупалец, охраняющее сокровища потонувших кораблей.

– Ну, это вряд ли, – ответил Карстен Роде. – Скорее обрадуется. А затем накроет богатый стол и позовет музыкантов, чтобы позлить тебя и на том свете.

– Тогда я не желаю доставлять ей это удовольствие. Ты как хочешь, а я попытаюсь выжить... – С этими словами он бросил кутласс и разряженные пистолеты на палубу.

– Твоими устами глаголет истина. – Карстен Роде криво ухмыльнулся. – Составлю тебе компанию. Вдвоем на нее болтаться веселее.

Он последовал примеру боцмана и неподвижно застыл, глядя в свинцово-серое балтийское небо. Карстен Роде по натуре был стойким и уже смирился с неизбежным. Фортуна оставила его, а значит, пора искать самую пушистую тучку на небесах, куда вскоре отправится его душа.

– Ба-ба-ба! – воскликнул Ендрих Асмус, присмотревшись. – Кого я вижу! Карстен Голштинiec собственной персоной. Разбойник, за которого шведский король пообещал кругленькую сумму в полновесных талерах. Дзень добры, камрад. Давно не виделись... Почти три года.

Карстен Роде вздрогнул и перевел взгляд на поляка. Теперь и он узнал капитана – капера. Они познакомились в одной из таверн Любека. Их встреча закончилась не очень мирно, о чем свидетельствовал шрам от удара шпагой на левой щеке поляка. Карстен Роде уже точно и не помнил, из-за чего загорелся сыр-бор. Все были в хорошем подпитии, а в таких случаях достаточно одного нечаянного слова, обидного с точки зрения собеседника, чтобы закончить разговор в укромном месте и в присутствии секундантов.

Правда, в Любеке до благородной дуэли дело не дошло. Чересчур горячий Ендрих Асмус решил восстановить справедливость прямо в таверне. Но ему не повезло – в лице Карстена Роде он наткнулся на бывшего ландскнехта. А наемники-профессионалы в отличие от моряков упражняются во владении оружием с утра до вечера. Потому что от этого напрямую зависит продолжительность их жизни; они редко полагаются на удачу в отличие от каперов, для которых эта капризная и своенравная госпожа – почти мать родная. Пирату без удачи в море делать нечего.

Потом, правда, обоим драчунам пришлось срочно ретироваться, чтобы не попасть в лапы городской стражи – вольный город Любек, некоронованная столица богатого Ганзейского союза, очень не любил шума. Большие деньги предпочитают тишину и чинность.

– Давно, – согласил Карстен Роде. – Только я почему-то совсем не испытываю радости от нашей встречи.

Каперы, уже потерявшие боевой азарт и злость, весело загоготали. Нервное напряжение смертельной схватки спало, и теперь их мог рассмешить любой пустяк. Засмеялся и Ендрих Асмус.

– Капризы фортуны, любезный мой Голштинiec, ничего не поделаешь. Но я правда рад нашей встрече. То количество талеров, что мне отсылет король за такого знатного головореза, как ты, перевешивает все обиды. Лейтенант! Всех датчан, оставшихся в живых, бросить в трюм. Потом разберемся кого куда. А этих двоих, – поляк указал на Карстена Роде и боцмана, – связать и под особую охрану. Смотреть за ними в оба!

– Жаль... – бросил Карстен Роде.

– Ты о чем? – собравшийся уходить Ендрих Асмус обернулся.

– Жаль, что я так и не добрался до тебя.

Капер коротко хохотнул и ответил:

– Теперь тебе будет о чем размышлять и сожалеть в каземате перед тем, как задержаться на виселице.

Карстен Роде лишь остро прищурился в ответ. В этот момент он решал немаловажную проблему – бросить небольшой, хорошо сбалансированный нож, спрятанный под одеждой, в Ендриха Асмуса или повременить с отмщением? Пока Голштинiec колебался, капитана каперов

закрыли спины его матросов, и благоприятный момент был упущен. Карстен Роде выругался сквозь зубы и подумал: «Дьявол! Если уж не везет, так до самого гроба».

Спустя пару часов в точке, где сошлись две небольшие флотилии, – капитана Карстена Роде и польского капера Ендриха Асмуса – ничто не напоминало о недавнем сражении. Свинцово-серая балтийская волна унесла обломки бушприта и прочие мелочи в неизвестном направлении. Туда же последовали и каперы. По крайней мере Голштинiec так и не смог определить курс флагманского когга, хотя и его, и боцмана, как особо ценных персон, заперли в тесной каюте с крохотным иллюминатором, через который мог пролезть разве что корабельный кот. Похоже, помещение предназначалось для весьма желанного пиратами приза – девиц, потому что воздух в нем густо пах парфюмом, а на низком дощатом топчане лежала небрежно скомканная кружевная накидка. О судьбе ее хозяйки легко было догадаться...

Наступила ночь. Клаус Тоде уже сладко похрапывал, когда Карстен Роде сильным толчком в плечо разбудил его. Боцман мог спать в любом положении и состоянии. Его совсем не смущало, что по наказу предусмотрительного Ендриха Асмуса их спеленали веревками как младенцев и теперь они напоминали гусеничные коконы. А вот тщательно обыскать пленников не удосужились – все были в радостном предвкушении оценки пиратской добычи (от этого зависели их премиальные) и попойки, предстоящей после столь удачной баталии. Карстен Роде едва дождался, пока закончится пьяный кутеж на борту когга и каперы расползутся по койкам.

– А, что?! – подхватился боцман.

– Тише! – прошипел капитан. – Слушай меня внимательно. У меня под одеждой спрятан нож. Я сейчас повернусь на бок, а ты достань его.

– Как? У меня ведь руки связаны и к телу примотаны.

– Да хоть зубами! – рассердился капитан.

– Понял...

Боцман провозился добрых полчаса, пока нож наконец не очутился в его по-волчьи крепких и крупных зубах.

– Режь мои веревки, – облегченно вздохнул Карстен Роде.

– М-м... – невразумительно промычал боцман и принялся пилить узлы на теле капитана.

Процесс получился долгим, но в конце концов Клаус Тоде, хоть и сильно поранил губы, все же с делом справился. Карстен Роде немного подождал, пока не восстановилось кровообращение в занемевших руках, а затем освободил от веревок и боцмана.

– Что дальше? – шепотом спросил изрядно приободрившийся Клаус Тоде.

– Для начала нужно покинуть каюту... и как можно тише. Это я беру на себя.

Когда их вели в это узилище, Карстен Роде успел заметить, как запиралось помещение. Оно находилось на баке³⁵, и прежде в нем, скорее всего, хранился различный судовой инвентарь, которым заведовал боцман. Потом кладовку переоборудовали под каюту для пленниц, но «замок» остался прежним – хлипкий деревянный засов. Капитан понимал, почему особо важных персон Ендрих Асмус не стал бросать в трюм «Короны». Наверное, он уже был набит награбленным добром почти под завязку, и в тех уголках, какие еще остались незаполненными, можно было легко дать дуба, что вовсе не входило в планы капера. Судьба остальных матросов пинка его мало интересовала. Выживут – пусть их, нет – на корм рыбам.

Карстен Роде осторожно просунул лезвие в щель между дверным полотном и самой коробкой. И начал по миллиметру сдвигать засов. Когда наконец дело было сделано, капитан взмок от пота – так он сильно волновался.

И зря. Два стража сидели, прислонившись спинами к борту, и спали мертвецким сном. Наверное, они тоже, как и их товарищи, изрядно угостились доброй выпивкой, несмотря на

³⁵ Бак – надстройка в носовой части палубы, доходящая до форштевня. Бак называют также и всю переднюю часть палубы.

строгий наказ капитана пребывать в полной трезвости и стеречь пленников гораздо лучше, чем свои загубленные морским разбоем души.

Тихо закрыв дверь и вернув засов на прежнее место, Карстен Роде первым делом осмотрелся. Стояла белая северная ночь, а в ее призрачном свечении хорошо просматривался пинк «Двенадцать апостолов» с зарифленными парусами – когг тащил его на буксире. Судя по тому, как судно Карстена Роде кидало из стороны в сторону, он понял, что за штурвалом или вообще никто не стоит, или матрос пьян в стельку.

Остальных кораблей Голштинiec не увидел. Об их участии можно было лишь гадать. Скорее всего, каперы увели суда каравана в какую-нибудь тайную гавань среди шхер, где их разгрузят, а потом затопят, так как старые тихоходные посудины непригодны для пиратского промысла. Что станет с командами, об этом капитан старался не думать...

Клаус Тоде кивком головы указал в сторону сонных каперов и выразительным движением чиркнул большим пальцем по своему горлу. Роде отрицательно pokrутил головой – это лишнее. Если побег окажется неудачным, их всего лишь вернут на прежнее место, в «амурную» каюту. Но если при этом они убьют своих стражей, тогда ничто и никто не удержит поляков от расправы над пленниками, даже капитан Ендрих Асмус.

Карстен Роде прихватил с собой лишь кутласс, валявшийся на палубе возле одного из спящих. Видимо, соня изо всех сил пытался сопротивляться морфею и держал клинок в руке, чтобы таким образом как-то взбодриться. Однако хлебное вино московитов³⁶ оказалось гораздо сильнее его воли и служебного рвения.

Перебраться на «Двенадцать апостолов» не составило особого труда даже для грузного Клауса Тоде – судно вели на коротком поводке. Конечно, был риск, что их сможет заметить рулевой-поляк на пинке, но иного выхода просто не существовало. К тому же Карстен Роде полностью удостоверился, что его корабль отдан на милость волн, и первым перебрался на «Двенадцать апостолов».

Для этого ему, как и боцману, пришлось немного поползть по палубе, прячась за надстройками и разным барахлом, – чтобы не заметил матрос за штурвалом. (Вахтенного офицера «Короны» нигде не было видно; наверное, он, как и остальные пираты, уснул под винными парами.) Затем дело пошло гораздо быстрее: Клаус Тоде взял кусок тонкого, но прочного каната, которым был связан, накинул его на буксирный трос, вцепился руками за оба конца, и съехал на нос пинка как на салазках, благо бушприт «Двенадцати апостолов» находился ниже кормы когга.

Как и предполагал Карстен Роде, рулевой спал, обняв штурвал. То, что его мотало туда-сюда, матросу было нипочем. Судя по внешнему виду, этот старый морской волк привык к любым житейским перипетиям. Поэтому Карстен Роде пожалел его и не стал убивать, лишь оглушил. В своей каюте он нашел еще троих поляков, но они находились в сильнейшем подпитии, приняли капитана за своего и кинулись к нему обниматься.

Железный кулак Клауса Тоде быстро восстановил статус-кво, и вскоре вся четверка пиратов сидела под замком, недоумевая, за какие грехи впала в такую немилость. Пьяные до изумления поляки думали, что их подверг наказанию сам капитан Ендрих Асмус.

В трюме Карстен Роде нашел лишь раненного в плечо Ганса Дитрихсена и двух своих матросов; один из них уже отдал Богу душу, а второй собирался последовать туда же. Дитрихсен посмотрел на Роде как на привидение и неожиданно расплакался. Похоже, он уже похоронил себя.

Клаус Тоде нашел полную бутылку и без лишних слов силком влил в штурмана минимум половину пинты³⁷ крепкого вина. А затем схватил топор и побежал рубить буксирный

³⁶ Хлебное вино – русская водка. Высшим сортом считалось «вино двойное», чрезвычайно крепкое.

³⁷ Пинта – одна английская пинта равняется 0,568 л.

конец. Вскоре когг исчез в туманной дымке, а пинк остался посреди пустынного моря словно неприкаянный «Летучий голландец» – практически без команды и без парусов, так как они по-прежнему оставались убранными.

Глава 2. Аникей Строганов

Небольшое суденышко, северный коч³⁸, только без «коцы» (или «ледяной шубы») – обшивки брусом, предохраняющей судно от повреждения льдами, качалось на волне в устье реки Наровы³⁹, словно на качелях. С утра поднявшийся сильный ветер так же быстро улетел дальше, как и появился, и приунывшие было рыбаки повеселели и забросили «гарву» – рыболовную сеть длиною в восемьдесят сажень⁴⁰. Лето заканчивалось, и артельный атаман Фетка Зубака решил попытать счастья – вышел на промысел гольца (или палии) – дорогой и вкусной рыбы из семейства лососевых.

Год выдался не очень удачным. Ряпушки поймали как обычно – много, но толку-то? Все что заработали, уже истратили. Ряпушка стоила сущий мизер. А плотва и сиг, похоже, ушли к свеям⁴¹. Оставалась надежда на богатый улов гольца, а если сильно повезет, то и семги.

– Поворачивайся, поворачивайся шибче! – покрикивал Фетка, кряжистый мужик с пегой бородой. – Што вы там пестаетесь?!⁴² Опосля отдохнем.

– Дык, это, гарва, кажись, полна, – радостно заявил Ондрюшка, вдовый сын. – Чижилото...

– Вот я тебя ужо!.. – пригрозил Фетка. – Поговори у меня! – Он боялся испугнуть удачу. Деньгу нужно считать в собственном кармане, а рыбу – в мешках.

Гарву наконец вытащили, и коч наполнился живым серебром. Гольцы исполняли свой последний танец с таким рвением, что некоторым удавалось выпрыгнуть за борт. Но рыбаки, воодушевленные и обрадованные богатой тоней⁴³, лишь посмеивались – пусть их. Уходили самые сильные особи, а значит, и потомство их будет многочисленным и живучим.

– Ондрюшка, имай! – вдруг вскричал Фетка, завидев в гарве семгу богатырского размера – около сажени, которая уже намеревалась последовать примеру особо шустрых гольцов. – Имай, кому глаголю, дубина!

Ондрюшка упал животом на рыбину и, оседлав ее, попытался ухватиться за жабры. Но лосось одним могучим движением сбросил «наездника», и того тут же завалили гольцы. Ондрюшка барахтался среди рыбин словно беляк – молодой тюлень – в ледяном крошечке, а семга тем временем выпрыгивала все выше и выше, словно разогреваясь для решающего броска в родную стихию.

Боясь упустить такой фарт, артельный атаман не сдержал ретивое и последовал за Ондрюшкой. Он оказался более хватким. Но семгу укротили лишь тогда, когда на нее навалились гуртом.

– Уф! – сказал Фетка, ощупывая лоб. – Башкой о борт торкнулся, шишка будет. Ты долго будешь рыбу мять?! – окрысился он на Ондрюшку, который все никак не мог выбраться из рыбного месива.

Улов рассортировали и Фетка Зубака начал в уме подсчитывать выручку. Особенно его радовал тот факт, что им попались аж четыре семги. Значит, в этом году улов этой дорогой – княжеской – рыбы будет добрым. Но если дела пойдут худо, то ему нечем будет заплатить

³⁸ Коч – одномачтовое плоскодонное однопалубное парусно-гребное судно. Длина от 10 до 25 м, осадка 1–1,5 м, грузоподъемность до 30 т. Вмещало 35–40 чел. Малые кочи применялись для плаваний в устьях рек.

³⁹ Нарова – р. Нарва; вытекает из Чудского озера и впадает в Нарвскую губу Финского залива.

⁴⁰ Сажень – древнерусская мера длины, равная 2,1 м.

⁴¹ Свеи – шведы.

⁴² Пестаться – возиться (помор.).

⁴³ Тоня – 1. Улов рыбы, получаемый при одной закидке невода. 2. Рыбачий стан. 3. Рыболовные угодыя.

налог – по восемь денег⁴⁴ за снасть, и тогда у него отберут рыболовецкие угодья, данные ему на оброк.

– Эй, атаман, глянь-ко! – вдруг раздался голос Ондрюшки.

Смущенный своей неловкостью и стараясь избежать подтруниваний старших товарищей, он пошел на корму, где начал приводить себя в порядок: стер паклей рыбью слизь с одежды, вымыл руки и лицо.

– Пошшо орешь?! – спросил Фетка, недовольный тем, что вдовый сын прервал его подсчеты. – Рыбу распугаешь. Чай, не на гозьбе⁴⁵.

– Дак, это... вон тама, – указал Ондрюшка на каменистый берег.

Все как по команде проследили за его указательным пальцем. Невдалеке от них, в тихой заводи, накренившись на правый борт, стояло большое судно. Было оно изрядно потрепано и лишь каким-то чудом держалось на плаву. Впрочем, не пригони волна к берегу этот корабль и не сядь он одним бортом на камни, его точно поглотила бы морская пучина. Похоже, чужак побывал в бою, потому что надстройки бедняги были в дырках от мушкетных пуль, а паруса изодранны в клочья. Ни на палубе, ни на берегу не было видно ни единой живой души.

«Ай да Ондрюшка! – мысленно возрадовался Фетка, зорко определив масть находки. – Такой приз углядел! Это же скоки может стоять ентот пинк?»

В Западной Европе издревле существовало так называемое «береговое право», когда потерпевший кораблекрушение корабль считался собственностью того, на чьей земле его найдут. Даже могущественные монархи не стыдились считать плоды этого «права» источником своих доходов. Прибрежный феодал отказывался от своих «законных прав» только с условием, если моряки заплатят ему определенную мзду. Жажда легкой наживы толкала людей на любые злодеяния и ухищрения. Грабители разрушали маяки и навигационные знаки, выставляли подобные ложные в опасных для судоходства местах. Подкупали лоцманов, и те вели суда прямо на мели или туда, где команде трудно защищаться от нападения.

Бывало, когда морская стихия оказывалась бессильной перед мужественными моряками, мародеры ночью подвешивали к уздечке лошади зажженный фонарь, спутывали ей ноги, и водили прихрамывающее животное по берегу. Следующее своим курсом судно, приняв колеблющийся свет фонаря за сигнальный огонь на плывущем корабле, подходило слишком близко к берегу и разбивалось о камни. Морские волны надежно скрывали следы трагедии, и преступники оставались безнаказанными.

Но русские никогда не занимались таким «ремеслом». Согласно договорам с другими государствами, местные жители должны были «охранять корабль с грузом, отослать его в землю христианскую, провожать его через всякое страшное место, пока достигнет места безопасного». Оскорбление иностранных моряков считалось большим преступлением.

Однако в любом правиле имеются исключения. На них-то и надеялся Фетка Зубака. Уж чего-чего, а хитрости и смекалки ему было не занимать. Если корабль брошен командой, то тогда нашедший его мог бы вступить в права владения судном. Когда вдруг объявится судовладелец и предъявит свои права, то ему придется судно выкупать. Как ни присматривался Фетка, а людей на палубе пинка он не замечал. И это обстоятельство грело его душу почище двойного хлебного вина.

Подойти на коче вплотную к берегу не удалось, хотя в этом месте и было достаточно глубоко. Пришлось задействовать четырехвесельный карбас, который тащили на буксире. Вскоре небольшая группа рыбаков во главе с Феткой Зубакой уже находилась на борту иноземца. Первое впечатление о недавнем бою на борту подтвердилось – на палубе царил форменный раз-

⁴⁴ Денга – (с конца 18 в. – деньга); русская серебряная монета. Чеканилась, начиная с последней четверти XIV в. Сначала весила 0,93 г и равнялась 1/200 гривны серебра. Начиная с XVI в. 2 денги. = 1 коп.

⁴⁵ Гозьба – гулянье (помор.).

гром. Опытный Фетка заглянул в дуло фальконета, затем засунул туда руку и вытащил ее, всю измазанную пороховым нагаром. Понюхав сажу, он авторитетно заявил:

– Дело было неделю назад.

– Да-а, вона как оно... – задумчиво пробасил Недан, саженого роста мужик с рано поседевшей окладистой бородой и кулаками-гирями.

Природа не обделила Недана силушкой, но, вопреки молве о покладистом характере богатырей, наградила его строптивым нравом. Он мало праздновал Фетку и всегда поступал по своему усмотрению. Атаман скрипел зубами из-за его непослушания, но терпел, не выгонял из артели, – при необходимости Недан один мог вытащить полную гарву.

Богатырь сильным рывком оторвал заклинившую из-за перекоса дверь, отбросил ее в сторону и вошел в капитанскую каюту. Там тоже все было перемешано, сломано и перебито, будто черти устраивали свой шабаш. Недан присмотрелся. На полу каюты, прикрывшись рваньем лежали трое мужчин. От них исходил гнилостный запах давно немытых тел и разлагающейся плоти. «Неужто мертвяки?» – подумал рыбак сочувственно.

Он нагнулся, чтобы рассмотреть несчастных получше, и тут один из них открыл глаза.

– Капитан, мы уже на пороге рая, – произнес он слабым прерывающимся голосом.

– Откуда знаешь? – зашевелился и второй.

– Сам смотри. Никак святой Петр к нам пожаловал.

– Это невозможно. Нам с тобой рай не полагается. Чересчур много грешили.

– Однако же это так, – настаивал первый. – Вон какая борода у него.

– Что ж, считай тебе повезло. Твою Фелицию точно в рай не возьмут. Ведьмам полагается иное место. А значит, ты никогда больше ее не увидишь.

Недан не понимал, что говорят чужеземцы. Создавалось впечатление, что они бредят, потому что слабо реагируют на его появление – ни радости, ни каких-то иных положительных эмоций. Тогда Недан позвал Фетку. Обычно с иноземными купцами общался атаман, разумевший несколько языков.

При виде моряков радостное лицо Фетки мгновенно стало кислым. «Эк, угораздило их остаться в живых! – подумал он в сердцах. – Таперича вместо навару одни хлопоты...» Следующая мысль, – коварная и подлая – прокраившаяся в голову атамана, словно тать ночной, пробудила слабую надежду на благополучный исход задуманного им предприятия, но он сразу же постарался от нее избавиться.

Все в руках Господа, и жизнь, и смерть. Помрут они – на то его воля. Выживут... что ж, так тому и быть. А выбросить потерпевших кораблекрушение за борт – это значило обречь себя на скорую гибель и вечные муки где-нибудь во льдах. Не мог потомственный рыбак пойти на такое страшное преступление. Море не прощает подлости. Оно благоволит лишь к сильным и честным.

– Ну чего стоишь?! – набросился он на Недана. – Бери их на руки и тащи в карбас. Да не шибко тискай! А то кости ить поломаешь. Вишь, какие эти немчины⁴⁶ квелые.

Фетка быстро определил национальность найденых, и очень надеялся, что те окажутся пиратами или вражескими каперами, что все едино. Тогда и корабль отойдет ему, как приз, и премию от ганзейцев он получит...

* * *

Карстен Роде открыл глаза. И сразу не понял, где находится. Каюты на «Двенадцати апостолах», как и весь корабль, отличалась прочностью, но незатейливостью. В особой красоте

⁴⁶ Немчинами (немцами) на Руси считали всех иноземцев, но чаще так называли собственно немцев, шведов, французов и датчан.

купеческая посуда не нуждалась. Ее главным предназначением являлся тяжелый труд. Лишь флагманы ганзейского флота могли позволить себе дорогую отделку и резное украшение на носу. Все это стоило больших денег.

Помещение, в котором находились Карстен Роде, Ганс Дитрихсен и Клаус Тоде (они спали, при этом храп боцмана напоминал медвежий рык), было просторным и светлым, а стены, недавно сложенные из отесанных плах, отливали янтарем – их натерли воском. Моряков положили на полати, застеленные волчьими шкурами, и укрыли одеялами из заячьего меха. В такой постели было уютно, но жарко, и Карстен Роде раскрылся до пояса, чтобы немного остудиться. От этого движения его бросило в пот, и он уронил сильно ослабевшие руки на постель.

Голштинец бросил взгляд в «красный» угол и увидел там изрядно потемневшую икону какого-то святого, похожего на покровителя моряков святого Николая Мирликийского, перед которой теплилась серебряная лампадка. Образ словно что-то включил у него в голове. Карстен Роде вспомнил все. И как они плыли на карбасе, и как бородатые русские мужики поднимали их на борт коча, и как потом поили теплым травяным настоем, а затем хлебовом из мучной болтушки, и как после этого потерпевшие быстро уснули, а проснулись уже в телеге, – их куда-то везли.

Наконец, они попали в баню – так русские называли мыльню. Ганс Дитрихсен пытался сопротивляться процессу, дабы не смыть с себя «святость», к которой прикоснулся в кирхе перед морским походом (он вдруг стал необычно набожным для бывшего капера), но его никто не понимал и не слушал. Двое дюжих мужиков так отмыли и отпарили голштинцев, избивая ветками какого-то кустарника, что сильно ослабевший Карстен Роде едва не отдал Богу душу.

В мыльню капитан обычно не заглядывал подолгу. А зачем? Если в речке не искупаешься, то грязь и пот смое с тела дождь. Что касается неприятных запахов, то они Голштинца не волновали. Он привык к вечной вони европейских городов. Улицы и задние дворы их пропахли мочой. Площади – запекшейся кровью боен и гнилью разбросанных потрохов. Лестницы – крысиным пометом, кухни – порченным углем и бараньим жиром, непроветриваемые комнаты – пылью и серой каминов, спальни – сальными простынями, сырыми матрасами и едким запахом ночных горшков. От людей разило потом и нестираной одеждой, гнилыми зубами и луковым супом.

Впрочем, не только простолюды отличалось неопрятностью. Один из пап умер от дизентерии, другой представился от чесотки, испанского короля едва не съели вши. А герцог Норфолк отказывался мыться из религиозных убеждений, отчего тело его покрылось гнойниками. Тогда слуги дождались, когда его светлость напьется мертвецки, и еле-еле отмыли своего господина.

Считалось, что в очищенные поры может проникнуть зараженный инфекцией воздух. Поэтому общественные бани были упразднены высочайшим декретом. Большинство аристократов спасались от грязи с помощью надушенной тряпочки, которой протирали тело, мешочков с душистыми травами и ароматической пудры...

И тем не менее после русской бани Карстен Роде почувствовал себя словно из купели заново на свет народившимся. Им дали чистое исподнее, накормили – уже более плотно, чем прежде – и уложили спать. Ганса Дитрихсена пользовал русский знахарь: он обмыл рану хлебным вином, затем приложил какие-то листики, закрепил их смесью рыбьего клея и хлебного мякиша и наложил повязку.

Голштинец лежал и перебирал в уме события, произошедшие с ним и остатками команды после того, как они сбежали от каперов Эндриха Асмуса. К утру заштормило. Сильный ветер порвал паруса, потому что вдвоем с ними справиться было трудно, а штурман совсем слег. Пинк отдался на волю крутой балтийской волны. Суденышко бросало со стороны в сторону как щепку, и Клаус Тоде, стоявший за штурвалом, лишь огромным усилием удерживал его на фордевинде. Ветер гнал пинк в неизвестном направлении, и Карстен Роде клятвенно пообещал

сделать богатый дар церкви в виде дорогого серебряного подсвечника, если судно не пойдет ко дну.

Шторм утих только спустя сутки. На моряков страшно было смотреть. Оборванные, побитые, с многочисленными синяками и ссадинами, они едва держались на ногах, и то больше усилием воли, нежели по своему физическому состоянию. А тут еще одна беда приключилась: на корабле не оказалось почти никаких продуктов. Наверное, каперы весь запас провианта, хранившийся в кладовке кока, забрали на когт Ендриха Асмуса, чтобы отпраздновать удачу. А то, что оставалось, или смыло за борт, или было безнадежно испорчено соленой водой.

Клаус Тоде, обладающий потрясающим нюхом на спиртное, все же нашел несколько полных бутылок с крепкой мадерой. На вине они и держались, сколько могли – в полупьяном состоянии, которое временами, особенно по ночам, становилось похожим на горячечный бред. Куда волны несли полуразрушенный пинк, понять было невозможно – над морем почти все время стоял туман. Когда их прибило к берегу, Карстен Роде услышал скрежет обшивки по камням и ощутил сильный толчок, но его затуманенное алкоголем и голодом сознание никак не отреагировало на этот факт...

– А што, немчура, живы-то? – раздался чей-то задорный голос, и Голштинец, погруженный в невеселые воспоминания, вздрогнул. – Пора вставать. Чай, вторые сутки пошли, как вы тут дрыхните. Изголодались, поди.

Он повернулся на голос и увидел там светловолосого паренька в вышитой рубаше. Тот держал в руках плетенную из лозы корзину с едой.

– Повезло ить вам... – Парень сноровисто накрыл на стол и расставил миски. – Это я вас выглядел-то. Вот и выходит, что вы мои крестники... – Он рассмеялся. – Милости просим трапезничать, господа хорошие!

– Нихт ферштеен... Нэ по-ни-майт.. – наконец вспомнил Карстен Роде русскую речь.

В Копенгагене (или Копногове, как русские называли столицу Дании) ему приходилось общаться с новгородскими купцами, но это было давно, и его скудный запас здешних слов успел выветриться из головы.

– А чего ж тут непонятно? – удивился парень. – Меня зовут Ондрюшка... запомнил? Ондрюшка! – Он похлопал себя по груди. – Смекай. А как тебя кличут? Какое твое имя?

Голштинец наконец понял, чего хотят от него, приязненно улыбнулся и ответил:

– Карстен. Ихь хайсэ Карстен.

– Вот и ладушки. Познакомились, значит. Кар-стен... – Ондрюшка попробовал на звук имя Голштинца, чтобы не забыть. – Поднимайся, будем кушать. Ам-ам... понятно?

– Я, я! – радостно закивал головой Карстен Роде, вдруг почувствовавший зверский аппетит.

– Нет, не только ты... – Ондрюшка не знал, что в немецком языке «я» означает «да». – Зови и остальных. Порато скусной хлебот⁴⁷ получился. С пылу с жару. Для поправки здоровья само то. Ужо Февронья постаралась. С ряпушкой и семужкой, на курином наваре. Царская еда.

Карстен растолкал Клауса Тоде, который и здоровый-то любил поспать, а уж в болезненном состоянии – тем более. Ганс Дитрихсен поднялся быстро и без посторонней помощи. На удивление, рана уже почти не болела, только ныла, и он пожирал глазами яства, расставленные на столе. Кроме наваристой ухи им подали добрый кусок запеченной на вертеле свинины, целую миску жареных гольцов, свежий ржаной хлеб и кувшин сбитня⁴⁸.

Голштинец слышал об этом напитке, но отведать еще не приходилось. Горячий медовый вкус очень ему понравился, а теплая хмельная волна, мягко прокатившаяся по всему телу,

⁴⁷ Порато скусной хлебот – очень вкусное хлебово (помор.)

⁴⁸ Сбитень – старинный русский горячий напиток из воды, меда и пряностей, в состав которых нередко входили лечебные травяные сборы. Впервые упомянут в славянских летописях в 1128 г. Обладал согревающим и противовоспалительным действием.

мигом вымыла из головы черные мысли, и он с воодушевлением набросился на еду. Остальные тоже не отставали: воспоминание о голодных днях на пинке, которое все еще было очень живо, помимо воли заставляло набивать желудки под завязку.

Ондрюшка скромно сидел в сторонке на низеньком табурете и с интересом присматривался к иноземцам. Несмотря на незавидное состояние, от моряков веяло мужественной силой и жесткостью, не присущей балтийским поморам с их покладистым, спокойным характером. А шрамы от сабельных ударов на телах потерпевших кораблекрушение (Ондрюшка помогал в раздевании, когда те мылись в бане) подсказали ему, что найденыши – народ бывалый, военный, много повидавший и испытывавший.

«Вот бы с ними потолковать! – думал Ондрюшка с жадностью естествоиспытателя, открывшего новый, неизвестный доселе вид живых существ. – Хоть с этим Карстеном. Он, похоже, у них за главного. Атаман. Да вот беда – языкам-то я не обучен...»

В это время скрипнула входная дверь, и в комнату, где трапезничали голштинцы, ворвался Фетка Зубака. Он был расхристан, и чувствовалось, что сильно потрясен.

Хитрый Фетка не стал распахивать немчин по избам поморов. Он забрал их к себе, благо только недавно отстроил новую избу, просторную, так что разместиться в ней было где. Артельный атаман все еще надеялся на благополучный исход задуманного им предприятия. Он, как и Ондрюшка, тоже видел шрамы, пометившие тела потерпевших, и это лишь утвердило его в мысли, что те – не просто купцы немецкие, а пираты. Или каперы, что едино. Значит, у него все еще оставался шанс получить от какого-нибудь прибалтийского государя или от Ганзы премию за поимку опасных преступников.

Фетка составил письмо к ганзейским купцам с описанием и именами спасенных немцев (Карстен Роде не стал скрываться за прозвищем) и послал в Ругодив-Нарву, где была одна из контор Ганзы, гонца с наказом лететь под всеми парусами и обернуться как можно быстрее. Атаман ждал его, как начала путины, – места себе не находил – и наконец дождался.

Лучше бы и не отправлял...

То, о чем поведал гонец, ввергло артельщика в ужас. Оказывается, этого недотепу перехватили люди Аникея Строганова⁴⁹, и купец, прознав о спасенных моряках, вознамерился пообщаться с ними лично. Сам Строганов? Зачем?! И с какой такой стати он очутился в Нарве? Что ему не сидится в своем Соликамске?

Мысли в голове Фетки пошли наперекосяк. Он заметался по своему просторному подворью как хорь в курятнике, застигнутый хозяином, ругая незадачливого вестника разными нехорошими словами. Тот лишь что-то невразумительно мычал в ответ и, потупившись, мял в руках войлочный колпак, заменявший ему шапку. В конце концов, выговорившись и совершенно от этого обессилев, Фетка рявкнул на него: «А чтоб тебя ляды⁵⁰ взяли! Поди-ко прочь, обормот!», – и поднял на ноги домочадцев. К приезду такой значимой фигуры, как Аникей Строганов, нужно было подготовиться как следует, чтобы не ударить лицом в грязь.

И потом, может, все это и к лучшему. «Надо бы замолвить Анике Федоровичу словечко... – думал, немного успокоившись Фетка. – Глядишь, подмогнет. Он ведь и к царю вхож, и с Малютой Скуратовым⁵¹ в дружбе. Хорошо бы выпросить на оброк еще две-три тони. А то в устье Наровы мне уже тесновато стало».

⁴⁹ Строганов Аникей Федорович (1497—1570) – крупный землевладелец и удачливый торговец сибирскими мехами. Из поморских крестьян, получивших грамоту на соляные промыслы, «дикие леса и Соль Кочаловскую в вечное владение». Основатель крупнейшей купеческо-промышленной династии XVI—XX вв. Его наследники – организаторы похода Ермака в Сибирь.

⁵⁰ Ляды – черти (помор.).

⁵¹ Малюта Скуратов-Бельский, Григорий Лукьянович (?—1573) – русский государственный, военный и политический деятель, думный дворянин, один из руководителей опричнины. Прозвище «Малюта» получил за свой малый рост.

* * *

Фетка был знаком со Строгановым. В юные годы он работал в его промысловой артели. Поэтому жесткий, колючий нрав старика знал хорошо.

– Ондрюшка, беги к Домне, пушай одежонку какую приищет для немчинов, – распорядился Фетка. – Да скажи ей, чтоб новую-то не брала! – крикнул он парню вслед.

Фетка Зубака жил широко: сам из крестьян, деловой сметкой и цепкостью в делах он мог поспорить с самим Строгановым. Его тони в устье Наровы давали приличный доход, а торговля с иноземцами и поставка рыбы ценных пород к великокняжескому столу в Москву процветали. И тем не менее Фетка старался сильно не высовываться – в отличие от Аникея Строганова, который даже записался в опричнину.

Мало того, артельщик продолжал выходить в море на рыбную ловлю, хотя в этом большой надобности уже не было. Но атаман не мыслил себе жизнь без соленого ветра и тяжелого рыбацкого труда. А еще казалось Фетке, что без личного присутствия его тони оскудеют, – и тогда хоть по миру иди.

Смех смехом, а почти так оно и вышло. В прошлую путину его скрутила какая-то хвороба, и пришлось остаться дома. Знахарь Антипка еле выходил хозяина. И вот тебе раз – в нынешний сезон рыбацкая удача изменила Фетке. Хорошо хоть голец добрый пошел. Да и семужка хвостом по воде бьет, значит, своих товарок скликает до кучи. Дай-то Бог...

Фетка истово перекрестился на образа и спросил по-немецки, обращаясь к Карстену Роде:

– Довольны ли вы всем, или чего еще надобно?

– Спасибо, господин... – почтительно ответил Карстен Роде, поднялся и поклонился; его примеру последовали и остальные. – Большого и желать трудно. Благодарим вас от всего сердца.

Они и впрямь были преисполнены благодарности к своему спасителю. Голштинiec был фаталистом и верил в случай, поэтому встречу с Зубакой не считал малозначимым моментом в своей биографии. Похоже, в жизни назревали перемены, но какие именно, он пока не знал.

– Вам бы переодеться надыть, – деловито сказал Фетка, стараясь скрыть смущение и чувствуя себя Иудой: ведь случись так, что спасенные – морские разбойники, он своими «заботами» отправит их на виселицу. – Ваше старье мы сожгли. Ондрюшка принесет одежду. Готовьтесь, к нам приедет большой человек. Хочет вас повидать.

У Карстена Роде встрепыхнулось сердце – вот оно! Большой человек московитов... К добру ли? Он переглянулся с Гансом Дитрихсеном. Штурман сделал большие глаза и кисло покривился – мол, куда денешься. Если уж заштормило, то не суетись попусту, а жди, пока не наступит штиль, чтобы залатать паруса, починить штурвал и плыть дальше...

Фетка не узнал Строганова. Годы не только побелили тому голову, проели плешь на макушке, но и сильно иссушили его крепкую плечистую фигуру. Перед Зубакой стоял худой благообразный старец – хоть сейчас в скит.

– Ну что же, Фетка, веди к своим найденышам, показывай, – молвил Строганов, снисходительно выслушав подобострастное приветствие Зубаки.

– Не зобижайте, отец родной. К немчинам успеется. В кои-то веки заглянули в наши края... Радость-то какая, радость... Мы вам баньку истопили – с дороги в самый раз. Стол накрыли. А смотрины опосля устроим.

– И то верно, – легко согласился Строганов. – Устал я малость. Банька – это хорошо...

После бани Фетке не терпелось похвастаться своим новым домом. Обычно избы балтийских поморов строились по принципу: дом, двор, а также хлев находились под одной крышей, лишь разделенные перегородками. Но Зубака чутко прислушивался и присматривался к новым

архитектурным веяниям. Он построил избу как купеческий терем (благо нашлось на что) – двухэтажную, со срубами на высоких подклетьях. Горницы и сени с переходами располагались на втором этаже, туда вела широкая лестница. Кровли были шатровыми, а наличники окон и ставни украшала резьба. Большая горница в новом доме устилалась не домоткаными половиками, а коврами, которые хранились в сундуках.

Оставил Фетка и старую избу, поселив в ней двух вдовиц – Февронью и Домну. Прокормить их было некому: мужья, работавшие на атамана, сгинули в морской пучине вместе с кочем. На этом все благодеяния и закончились – вдовы превратились в бесплатную прислугу, занимавшуюся домашними делами и присматривавшую за разной дворовой живностью.

Впрочем, женщины не роптали. Ели они с общего стола, от Фетки никогда слова плохого не слышали, несмотря на вздорный характер, да и одежда была у них справная. Все-таки Зубака чувствовал за собой вину в гибели их кормильцев – коч, на котором они вышли в море, был совсем уж дряхлым; его даже не проконопачили, как следует. Но в том году так много рыбы шло на нерест, что артельный атаман готов был послать людей на лов даже в лоханях.

Сейчас стол их усилиями ломился от еды и разных закусок. Февронья постаралась на славу. Не отличаясь изыском, все ее яства были отменного вкуса. Когда она готовила, стоя у печи, со стороны казалось, будто вдова колдует: пошепчет, пошепчет немного – бросит щепотку какой-то травки в горшок; послушает, послушает, как гудит в трубе, – добавит полешку, но только одну или две, а не охапку. И опять что-то пришептывает.

К слову сказать, и печь Фетка соорудил с трубой и вьюшками, а отделал ее муравлеными изразцами. На такое чудо съезжались смотреть все соседи- атаманы, что опять-таки к пользе – когда еще найти время для деловых разговоров. Да и не очень любили поморы по гостям шляться, тем более за сотни верст, пусть и водным путем.

Распаренный после бани Аникей Строганов был благодушен и не по-стариковски оживлен. За дорогу он проголодался, а потому на какое-то время забыл о цели своего приезда к Фетке, отдавая дань Февроньиным кушаньям. Для дорогого гостя она приготовила его любимое блюдо «борвину» – плотно уложенные в большом горшке рябчики, томленные в печи в собственном соку (уж Фетка-то знал вкусы своего бывшего хозяина!). А еще на столе красовались блины разные, четырехугольные калитки с творожной начинкой, курники с репой, шаньги, ягодники... утка с капустой, тетерева, томленные в печи. Рыба и вовсе находилась в полном изобилии. Из напитков радовало глаз доброе хлебное вино и заморская романея⁵².

Но старик с аппетитом хлебал щи с крошенками – кусочками хлеба, крошенными в ендову, да нахваливал:

– Вот шти, так шти! Давно таких не едал.

Фетка млел и радостно подмигивал стряпухе, облачившейся по такому случаю в богатый наряд его покойной жены – расшитый жемчугом сарафан-китайник из светло-зеленого бархата с галунами и ажурными серебряными пуговицами. Праздничный фартук из малинового кашемира был украшен по подолу черным бисером. В таком одеянии тихая и неприметная Февронья вдруг стала писаной красавицей, а хозяин неожиданно почувствовал в груди да пониже пояса какое-то странное томление.

Однако наваждение прошло очень быстро, потому как Зубаку в данный момент занимали совсем иные мысли и устремления: каким образом испросить у Строганова милости, чтобы тот походатайствовал за него о получении в оброк новых рыбных угодий. Но едва Фетка открыл рот, решив, что время для доверительного разговора настало, как Строганов отложил ложку в сторону, огладил седую бороду и строго молвил:

– Передохнем маленько. А заодно и посмотрим на спасенных тобой немчинов. Скажи, чтобы привели.

⁵² Романея – сладкая настойка на фряжском (генуэзском) красном вине.

Фетка мигом выскочил из-за стола, выбежал на крыльцо и крикнул Ондриюшке:
– Давай их сюда!

Карстен Роде, штурман и боцман сидели во дворе на окоренных бревнах, дожидаясь своей участи. Их переодели в ношеную, но чистую одежду с плеча Фетки. В ней они чувствовали себя не очень ловко, особенно долговязый Карстен Роде – кафтанье сидело на нем как торба попрошайки на вороньем пугале, потому как Фетка Зубака хоть и не отличался высоким ростом, но зато в плечах был гораздо шире голштинца.

Когда спасенные датские купцы вошли в горницу и встали перед столом, Строганов впился в них цепким, по-молодецки острым взглядом. Его внимание сразу же привлек Карстен Роде, отличавшийся статью и какой-то внутренней независимостью, которая пробивалась даже через Феткины обноски.

– По-моему, то, что требуется... – пробормотал он себе под нос. – Фетка!

– Слушаю!

– Переведи, что я приветствую их в земле русской и приглашаю к столу.

«Стол есть, да не про их честь... – зло подумал про себя недовольный Фетка, но виду не подал, сказал все так, как требовал Строганов. – Это же сколько оголодалые немчики сожрут? Ужас! Эх, Февронья постаралась... Харчу столько понапрасну извела».

Карстен Роде сначала сдерживал себя. Но глядя, как невозмутимый Клаус Тоде и Ганс Дитрихсен всю работу делают челюстями, и сам начал наворачивать так, что за ушами трещало. Еда у московитов была восхитительна, а уж большая чарка двойного хлебного вина, выпитая в честь высокого гостя, и вовсе показалась ему бальзамом на душу.

Подождав, пока гости немного насытятся, старик сказал Карстену Роде:

– Нам нужны такие молодцы, как вы. Не пойдете ли ко мне в услуженье? Обижены не будете. Я Аникей Строганов. Слыхали? Переводи, Фетка.

Фетка с унылым видом перевел. Похоже, его надеждам получить премию за найденнейшей (точно морские разбойники!) сбывшейся не суждено. С Аникеем Строгановым не поспоришь и поперек дороги ему не встанешь – заломает, как медведь-шатун.

О Строганове бывший капер датского короля уже был наслышан. Новости на Балтике быстро распространяются. Говорили, он богат, как Крез. А значит, его приглашение на службу и впрямь достойно внимания. Однако у Голштинца были свои соображения на сей счет.

– Мы искренне благодарим вас за столь любезное предложение, но – нет, – твердо ответил Карстен Роде. – Починим пинк и поплывем в Копенгаген.

«Мне еще нужно кое с кем свести счеты», – мстительно подумал он, вспомнив наглую ухмылку Ендриха Асмуса. – Мне этот польский пес за все ответит».

– Ай-яй-яй... – сокрушенно покачал седой головой Строганов. – Беда-то какая... Ваш пинк намерен штормом о берег разбил, остались одни щепки. Почему молчишь, Фетка? Расскажи им, что случилось с судном.

Фетка Зубака судорожно сглотнул. Слова застряли у него в горле. Какой шторм, когда это было?! Погода установилась хорошая, как на заказ, – ведро⁵³. Атаман точно знал, что его люди сняли корабль с камней и отвели в надежное место для ремонта. Всего-то дел – откачать воду из трюма, зашить несколько дыр в борту и днище, проконопатить и поставить новые паруса. Доброе судно, надежное. Он смотрел на Строганова совиным взглядом и только хлопал ресницами, не в силах сказать ни слова.

– Фетка, пинк немцев развалился на камнях, – жестко глядя на Зубака, повторил Строганов. – Ты лично покажешь им место на берегу, где лежат обломки. Понял?

– К-как не п-понять, отец родной, – дрожащим голосом ответил артельный атаман. – Знамо, покажу.

⁵³ Ведро – ясная, сухая погода.

И, приняв скорбный вид, что в его положении было совсем несложно, Фетка поведал Голштинцу: возвращаться в Копенгаген им не на чем. Он наконец понял замысел Строганова, и мысленно простонал, словно ему вдруг стало больно – все, конец мечтам! Ни премии, ни нового судна не увидеть. Придется послать мужиков разломать останки, да так, чтобы восстановить их было невозможно. Эх!

Сообщение Фетки стало для потерпевших крушение, а в особенности для Карстена Роде ушатом ледяной воды за шиворот. Голштинiec был вне себя от горя. Он разорен и уничтожен! И снова беден, как церковная мышь. И все это благодаря Енриху Асмусу! Подлый поляк, абордажную «кошку» ему в кишки!

Строганов будто и не замечал бушующих чувств на лицах Карстена Роде и его товарищей; он безмятежно жевал блин с семгой да благосклонно посматривал на смущенную Февронию, которая пчелкой сновала вокруг стола, ловко и ненавязчиво убирая объедки. В этот момент старик помнил только о разговоре с Малютой Скуратовым, состоявшийся между ними неделю назад в Усть-Нарве.

– ... А что, Аника, как у тебя идет торговля с иноземцами? – спросил тогда Малюта Скуратов, тщательно обглаживая куриную ножку.

Они сидели в небольшой таверне, расположенной неподалеку от деревянной крепости; когда началась ливонская война, крепость принялись строить для защиты города с моря. Малюта Скуратов, за последние два года сильно возвысившийся (он возглавил опричное сыскное ведомство), приехал в Нарву, чтобы узнать, как идет строительство.

А еще (и это тоже было известно Строганову) он вел дело о государственной измене двоюродного брата царя, удельного князя Владимира Андреевича Старицкого. Кузен Ивана Васильевича был претендентом на престол и считался тайным вождем бояр, недовольных правлением царя. Агенты Малюты доносили, что заговорщики просят помощи у польской короны и держат связь с королем Польши Сигизмундом II⁵⁴ через Нарву.

– Да худо стало, Григорий Лукьяныч, совсем худо. Король Сигизмунд нанял морских разбойников, и теперь они перехватывают почти все суда заморских купцов, что торгуют с Нарвой. Особенно свирепствуют польские и данцигские каперы. На нарвском фарватере их полно. Нападают даже на караваны Ганзы, идущие под охраной военных кораблей. Мои товарные склады в Нарве забиты, а толку? Из-за пиратов иноземные купцы сильно сбивают цены, и мне лучше утопить товар в море, чем отдавать его почти даром. Большой урон для торговли получается.

– И как мыслишь справиться с этой бедой?

– Клины вышибают клином, – решительно ответил Строганов. – На каперов Сигизмунда мы все равно управы не найдем, больно много их, а вот его торговых людишек пощипать можем. Пусть призадумается и сам укоротит своих псов.

Малюта Скуратов с одобрением посмотрел на старика. Крут Аника, ох, крут. В своих владениях навел порядок железной рукой, туземцы боятся его как огня. Жаль, годы его уже не те. Уж Строганов смог бы поприжать бояр, дабы у них дурь выветрилась из-под лохматых шапок.

– Так-то оно так, но кому можно поручить это непростое дело? – Малюта с сокрушенным видом почесал в затылке. – Поморы наши народ крепкий, обстоятельный, да вот только каперскому делу не обученный. Опыта нет. И потом, на кочах да на карбасах много не навоюешь. Тут нужны суда побольше, с огненным боем.

– Твоя правда, Григорий Лукьяныч. Народ наш поморский зело мирный, без пиратских навыков. Их бы подучить, поднатаскать...

⁵⁴ Сигизмунд II Август (1520—1572) – великий князь литовский, король Польши с 1530 г. (правил совместно с Сигизмундом I Старым), глава федеративного государства Речь Посполитая.

– Хорошо бы найти какого-нибудь иноземца капитана, а лучше опытного капера, – задумчиво сказал Малюта. – Предложить ему государеву службу и полное наше покровительство. Да вот только где его найти? И кто пойдет? Дело-то для нас новое...

На том их разговор на данную тему и закончился. Но Аникей крепко держал это в голове. Положение с товарами и впрямь оставляло желать лучшего. Потому он и приехал в Нарву, чтобы на месте оценить ситуацию со складами.

Преимущественным правом торговли с чужеземными купцами (чаще всего это был товарообмен) обладала государева казна. Она объявляла «заповедными» те товары, на которые хотела иметь монопольное право приобретения или продажи. Это были благородные металлы, собольи меха, воск, зерно, смола, льняное семя, икра, персидский шелк и ревень. Но Строганов сумел выправить у великого князя разрешение на торговлю икрой, благо дело это было ему хорошо знакомо, и в его крепких руках оно давало казне больший доход, нежели на то были способны государевы ставленники.

Впрочем, икра для Аникея Строганова была не более чем мелким эпизодом в его торговле с иностранцами. Западноевропейские купцы покупали в большом количестве моржовую кость, ворвань, кожи морских животных, рыбу ценных сортов. Очень существенными предметами вывоза были мед и воск. За границу направлялись мачтовый лес, лиственничная губка, кап⁵⁵, солодковый корень, продукты использования и переработки древесины – вар, зола, поташ. Шли на экспорт также алебастр и слюда.

А теперь из-за войны с Ливонией и пиратов Сигизмунда вся прибыльная торговля семейства Строгановых, приносившая им золотую монету⁵⁶, покатила под откос. Старик весь извелся, пытаясь найти выход из создавшегося положения. Гонец от Фетки Зубаки к нарвскому воеводе Алексею Басманову стал воистину знаменiem свыше. Подкупленный агентами Строганова служба при канцелярии воеводы не дал должный ход записке артельного атамана, а передал гонца людям Аникея, за что и был достойно вознагражден.

«Хорош гусь... – думал Строганов, не без внутреннего удовлетворения наблюдая за побагровевшим от волнения Карстеном Роде. – Хваткий. Сразу видно. И в передрягах побывал... – Ему уже доложили про раны на теле датчан. – А корабль мы для него найдем. И не один. Самолично прослежу, и денег отсыплю на оснастку, если понадобится. Пушай воюет. Главное сейчас не дать ему уйти от Фетки. Пока я не переговорю с Малютой и Висковатым⁵⁷. А они уж пусть государю доложат. Думаю, великий князь согласится на мое предложение. Конечно, можно и на свой риск затею осуществить... но под царским началом она быстрее сдвинется с мертвой точки».

Только бедному Фетке Зубаке не было никакого дела до дипломатических маневров Строганова и переживаний Карстена Роде. Он пил хлебное вино, почти не закусывая, и с тоскливым упрямством все подсчитывал и подсчитывал в уме упущенную выгоду от своей несостоявшейся задумки.

⁵⁵ Кап – застывший березовый сок.

⁵⁶ Монеты – В России XVI в. ходили серебряные и медные деньги: московские, тверские, псковские, новгородские. Серебряных денег считалось 200 в рубле (1 рубль = 2 червонцам), а медных мелких монет (пул, полушек) – 1200 в гривне. Новгородские деньги имели почти двойную цену – в рубле их было всего 140. Золотые деньги ходили только иностранные: венгерские червонцы, римские гульденy и ливонские монеты. Они были в большом дефиците.

⁵⁷ Висковатый (Висковатов) Иван Михайлович (умер в 1570 г.) – московский дипломат XVI в., государственный деятель, посол, думный дьяк. Из дворянского рода. В 1561 г. был назначен «печатником», соединив таким образом хранение государственной печати с дипломатическим ведомством. По должности был членом Боярской думы.

Глава 3. Схватка в корчме

Карстен Роде с тоской наблюдал вполглаза за Февроньей, которая наводила порядок у датчан. Ганс Дитрихсен и Клаус Тоде так и не смогли вытащить своего захандрившего капитана из постели, где он коротал все свое время. Голштинец застрял в ней, словно муха в патоке, и буквально задыхался от бездеятельности. Несмотря на едва ли не слезные просьбы найденшей, непреклонный Фетка не выпускал их из селения ни под каким предлогом; даже на путину не хотел брать. Артельный атаман заявил, что так будет продолжаться до тех пор, пока не придет от нарвского воеводы Басманова соизволение отправить потерпевших в Данию.

После встречи со Строгановым прошло больше трех месяцев, на дворе уже осень и ранний снег, а они как засели у москвитов, так до сих пор и сидят, будто вросли в эти берега. Уезжая, старик повторил свое предложение насчет службы великому князю московскому, в чем же она должна заключаться, так и не сказал. Что не могло не насторожить молодого, но уже много повидавшего в жизни морского волка Роде.

По настоящему требованию датчан их все-таки однажды вывезли на место гибели пинка. Карстен никак не мог поверить, что такая прочная посуда, как его «Двенадцать апостолов», разрушилась в устье реки. Все-таки здесь не столь сильно штормит, это не открытое море. Ему показалось, Фетка Зубака темнит, недоговаривает. Неясные подозрения еще больше подогрели ретивого Голштинца, и он неделю заседал на артельного атамана, требуя показать обломки.

Фетка вертелся как выюн, отнекиваясь и отмахиваясь. У него просто не поднималась рука разрушить добротный пинк, как того требовал Строганов. Но в конце концов он все же сдался – против Аники Тимофеевича не попрешь. И когда наконец моряки оказались на «месте крушения», то увидели лишь аккуратно сложенные доски обшивки и обломки матч. Рачительный Зубака не смог наступить на горло собственной песне и не стал растаскивать набор корпуса судна по всему берегу. В хозяйстве все сгодится...

Бывшие каперы помянули корабль прямо на месте. Когда их увозили, Ганс Дитрихсен плакал пьяными слезами, Клаус Тоде орал какой-то боевой клич древних германцев, призывая месть полякам, а Карстен Роде от отчаяния и безысходности превратился в мрачного безглазого истукана. После этих смотрин он и залег в постель, вставая нехотя – в основном лишь для того, чтобы поесть, да по нужде.

– ... Все лежит и лежит, – журчала Февронья. – Али больной? Так нет. Здоров мужик. Как мой Офоня. Поплыл он на харьюза и сгинул. И как мне, жонке-то, одной быть? Катанцы некому справить. Вот и живу... – Она знала: немчин не понимает по-русски, поэтому высказывала все, что на душе наболело – как на исповеди.

– А я што ль, не человек? – грустно продолжала вдова. – Васка Нечай намедни намекал, што сосватает. Ево изба возле нашей стояла. Дык, кто ж ему поверит, охальнику-то? Он тока сулит...

Голос у Февроньи был тих, но мелодичен. Она говорила, словно напевала, и слова ее звенели весенними ручейками. Карстен Роде вдруг встрепенулся и присмотрелся к женщине внимательней. Теперь она была в повседневной одежде поморки – изрядно поношенном, но опрятном сарафане и рубаше из пестряди. Голштинец вспомнил, как стряпуха прислуживала Строганову в праздничном наряде и выглядела женой какого-нибудь зажиточного дитмаршенца. Тогда он лишь мельком на нее взглянул, – не до того было – однако сейчас Карстен Роде не без удивления отметил про себя, что русоволосая Февронья еще достаточно молода и очень симпатична. В груди Голштинца неожиданно полыхнул огонь неистового желания, и он поманил:

– Иди ко мне, либлинг. Комм, комм...

– Тебе чего, немчик? – удивилась женщина, но подошла к постели капитана, правильно истолковав и его жесты, и незнакомые слова. Правда, не поняла она, для какой цели ее позвали, да было поздно.

Карстен Роде схватил Февронью в охапку и бросил на звериные шкуры, устилавшие ложе. Обалдевшая от такого бурного натиска женщина почти не сопротивлялась...

Раскрасневшаяся Февронья, слегка пошатываясь, ушла. Голштинец, сам не ожидавший от себя такой прыти в любовных утехах, бодро соскочил с постели, сладко потянулся, как кот на завалинке, и начал одеваться. Кровь в его жилах не текла, а бурлила; он словно оклемался от тяжелой болезни.

Перед отъездом Строганов раскошелился, дал Фетке денег, и теперь датчане щеголяли в иноземном кафтане, привезенном из Нарвы. Поэтому бывший капер чувствовал себя в новой одежде комфортно и привычно. Вот только шпаги у пояса не было, только нож.

Едва он оделся, как в комнату влетел взъерошенный и сильно испуганный Ондрюшка:

– Тама!.. – выдохнул парень, указывая рукой на окно.

– Что случилось?! – встревожился Карстен Роде.

– Опричнѣя приехала! Што теперь будет-то...

Они говорили на немецком. Ондрюшка оказался очень смышленным, и Ганс Дитрихсен, от нечего делать взявшийся за его обучение, не мог нарадоваться успехам своего ученика. Через два месяца парнишка почти свободно объяснялся с датчанами, чем вызвал нездоровую зависть и даже гнев у Фетки. Артельному атаману очень не хотелось, чтобы еще кто-нибудь, кроме него, служил толмачом спасенным купцам. Он опасался, что Ондрюшка может сболтнуть лишку касательно судьбы злосчастного пинка «Двенадцать апостолов».

Услышав про опричников, Карстен Роде побледнел. Ему уже было известно, что собой представляют эти верные слуги царя московитов. Призрак виселицы, которую ему удалось избежать, когда он был капером, встал перед глазами во всей своей неприглядности. Что если Строганов решил наказать строптивых иноземцев за отказ пойти к нему на службу?

Дверь в комнату снова отворилась, и на пороге встал крепкий молодец, одетый во все черное. На груди у него на прочной цепочке висела железная бляха с изображением собачьей головы, а у пояса торчала рукоять сабли устрашающей величины – размером с рыцарский меч.

– Это их капитан? – спросил он резким скрипучим голосом Фетку, прячущегося где-то сзади.

– Д-да...э-э... – проблеял артельный атаман.

Завидев опричников, во весь опор скачущих по уже хорошо укатанной санями столбовой дороге, Фетка Зубака первым делом подумал: «Уж не по мою ли душу?!». И обомлел, узнав, КТО к нему пожаловал с конным отрядом.

Это был знаменитый убийца Басарга Леонтьев. В прошлом году в Варзуге, Умбе, Порьей губе, Кандалакше и селениях Кемского побережья опричники под его началом разрушили дома, изъяли все ценное имущество, которое на судах было вывезено на Двину и там распродано. Народ от этой расправы бежал в Колу, Печенгский монастырь, на Мурманский берег, в Карелию. И теперь в Варзуге стоят десятки обезлюдивших изб, зарастают бурьяном полсотни бывших подворий, пустуют рыбачьи тони, а запуганных прежде вольных поморов двинские промышленники Бачурины превратили едва ли не в своих холопов.

Наверное, Фетка так и стоял бы столбом, беззвучно разинув рот, словно выброшенный на берег налим, не наткнись на него Февронья. Она сильно толкнула хозяина и пошла дальше, как ни в чем не бывало: не извинившись и, похоже, не заметив столкновения.

«Что это с ней?» – мельком подумал ошарашенный Фетка. Казалось, вдовица спала, только с широко открытыми глазами. Однако сон, что ей снился, явно был сладким – разрумянившееся лицо женщины светилось радостью и умиротворением.

Первые же слова Басарги Леонтьева успокоили Фетку Зубаку, у которого уже ноги начали подгибаться от страха: тот прибыл за Карстеном Роде. Его хочет лицезреть сам великий князь московский Иван Васильевич. «Эко дело... – с облегчением подумал артельщик, семена вслед за опричником. – Хорошо, што я послушал Анику Федоровича и попридержал иноземцев-то... А уж как рвались они, как рвались-то в Нарву, штоб побыстрее к родным берегам убыть на каком-нибудь купеческом судне. Ай да молодец, Фетка! Опять беда, кажись, прошла стороной...»

– Скажи немчину, пушай собирается, и пошустрей, – жестко сказал опричник. – Ему оказана большая честь. Да запряги для него розвальни! Чай, в седле-то моряк ездить не привык. А в Нарве нас ждет крытый возок. Поедет с царевым подьячим за компанию.

Фетка перевел Голштинцу, что приказал Басарга Леонтьев. Капитан мгновенно вспотел. Его хочет видеть сам царь московитов, о котором рассказывали страшные вещи! Будто бы он младенцев ест за завтраком, а после ужина пользуется совсем юных невинных девушек. Живое воображение Карстена Роде тут же нарисовало перед его внутренним взором облик чудовища, похожего на людоеда из старинной немецкой сказки.

Голштинец вздрогнул и с покорностью первого христианина, готового броситься в клетку со львом, пошел вслед за Феткой, чтобы получить шапку, тулуп и катанцы в дорогу...

* * *

Нарва раскинулась милях⁵⁸ в восьми от моря, на реке. С одной стороны реки высился замок, принадлежавший когда-то родосским рыцарям, а по другую сторону стоял сильно укрепленный Ивангород. Из него, как сказал Карстену Роде сопровождавший его подьячий⁵⁹ Стахей Иванов, и взяли некогда московиты Нарву – забросали ее бомбами, предав огню и разрушив до основания большую часть домов.

Продвигаясь по скверным дорогам, они ехали все дальше и дальше от нее на восток, пока не добрались до Великого Новгорода – большого деревянного города с каменной крепостью. Посреди него протекала река, через которую был перекинут замечательный мост, застроенный домами и лавками, – будто целая и весьма длинная улица.

Город находился в ста пятидесяти милях от Нарвы, и измученный тяжелой дорогой Карстен Роде упросил Стахея Иванова, чтобы ему дали день отдыха. Уставшие опричники не возражали, и подьячий дал свое согласие, потому как наказ великого князя был недвусмыслен: доставить датчанина в Москву в полном здравии и обращаться с ним вежливо и обходительно.

Отоспавшись, как следует, и хорошо отдохнув, поехали дальше. Местность, по которой они передвигались, отличалась топами, рощами, редкими селениями и монастырями. Время от времени из лесов по обочинам шляха раздавался разбойничий посвист, но Карстен Роде напрасно хватался за свой нож – шайки грабителей боялись нападать на сильную охрану из двух десятков опричников.

Так они добрались до весьма приятного города Торжка, где снова устроили привал. За Торжком последовала Тверь. Здесь уже места пошли обжитые, хлебные. Копны ржаной соломы, крытые снежными шапками, встречались небольшому обозу вплоть до самой Москвы.

Столица Московии была застроена в основном деревянными домами. В ней имелаась крепость с каменными, но не боевыми стенами; ее возводили итальянцы, как поведал Карстену Роде Стахей Иванов. Москва выделялась множеством великолепных церквей и княжеским

⁵⁸ Миля – старорусская: 1 миля = 7 верст = 7467,6 м; британская и американская: 1 миля = 8 фарлонгов = 1609,344 м (обычно, когда говорят просто «миля», подразумевают именно ее); морская: 1 миля = 1 минута широты = 1852 м.

⁵⁹ Подьячий – служащий в приказах и местных учреждениях XVI–XVIII вв. Под руководством дьяков подьячие выполняли основное делопроизводство. Делились на старших, средних и младших. Получали денежное, хлебное, а иногда поместное жалованье.

дворцом с золоченой крышей, тоже построенным пленными итальянцами, привезенными из Польши и Литвы. Все здания в ней, как, впрочем, и в других русских городах да селениях, были небольшими и дурно расположенными, безо всякого надлежащего удобства.

Но это все мелочи, а Голштинца сильно тревожил предстоящий прием у великого князя московского. Его назначили сроком через неделю после приезда в Москву.

– Пусть ваша милость не тушуетя, – поучал подьячий, определив Карстена Роде на постой. – Не нужно и шибко заноситься. Ежели государь чего попросит, то лучше его волю исполнить. Великий князь зело вспыльчив – это между нами – и перечить ему себе дороже.

Голштинец уже составил собственное мнение на предмет того, зачем он понадобился царю московитов. Не зря ведь Строганов завел разговор о найме к тому на службу. Но в чем она будет состоять? Этот вопрос мучил Карстена Роде больше всего. Вдруг его запишут в опричники – у царя московитов много было иноземцев в услужении – и как тогда быть с намерением отомстить Ендриху Асмусу? С берега ведь поляка капера в море не достать.

Наконец настал день приема. Карстен Роде никогда прежде не волновался так сильно. Когда его ввели в царские палаты, датчанин низко поклонился Ивану Васильевичу и поцеловал его правую руку, как поучал Стахей Иванов. Грозный царь московитов сидел на троне с короной на голове. В левой руке он держал скипетр, украшенный богатыми и дорогими камнями. Окладистая темно-рыжая борода царя была тщательно расчесана – волосинка к волосинке. Его большие выразительные глаза цветом напоминали дамасскую сталь – голубовато-серую, с таинственным рисунком. Казалось, взгляд Ивана Васильевича проникал в глубину души Голштинца, и от этого неистового натиска даже стало трудно дышать.

Прием закончился быстро. Великий князь московский пожелал Карстену Роде, чтобы тот был счастлив в его стране, и пригласил отобедать. Он не стал дожидаться, пока датчанин покинет палату, а резко поднялся и вышел. Голштинец успел подметить, что тот был очень высок, широкоплеч и ступал с грацией голодного тигра, держась при этом прямо и глядя как бы сквозь стены.

В ожидании обеда Карстен Роде томился и недоумевал – и это все? Ради царской трапезы, конечно, можно было потерпеть все неудобства длительного бездорожья, но Голштинец уже настроился на деловой разговор – а куда денешься? Так что достаточно прохладное отношение царя к его персоне при первой встрече несколько обескуражило Карстена Роде. Может, Иван Васильевич передумал звать его к себе на службу и в качестве компенсации за беспокойство решил облагодетельствовать обедом со своим присутствием?

Когда наступило время, Карстена Роде ввели в трапезную палату, где усадили за стол, стоявший напротив царского. На удивление, обед был немногочислен, вопреки рассказам Стахея Иванова: десятка два придворных да дюжие телохранители весьма зловещего вида. Как уже знал Голштинец, это были черкасы из княжеских фамилий, которых привезла с собой жена великого князя московского Мария Темрюковна.

На столах стоял лишь хлеб да соль. Когда все расселись, Иван Васильевич послал каждому по куску хлеба со словами:

– Царь и великий князь жалует тебя сегодня хлебом.

Затем он начал рассылать всем напитки, приговаривая:

– Царь и великий князь жалует тебя питием.

«Чудно... – думал Карстен Роде. – Странные обычаи у московитов. Однако посуда богатая...» Глаза датчанина жадно заблестели, и он вспомнил, какие призы ему попадались в бытность капером. Где теперь все? У Ендриха Асмуса... будь он проклят!

Столы сервировались сосудами из чистого золота, многие были усыпаны драгоценными камнями. Еда особо не впечатлила Карстена Роде. Ее было много – обильной, сытной, но

простой. Однако дорогие заморские вина и различные сорта выдержанного меда⁶⁰, были выше всяких похвал. А уж в спиртном Голштинiec знал толк.

Развлекали присутствующих шестеро певцов, вставших посреди залы, лицом к царю. Несмотря на то, что Карстену Роде медведь наступил на ухо, их мастерство и голоса никак нельзя было назвать усладой даже для его неприятязательного слуха.

Обед продолжался почти пять часов. Когда он закончился и столы были убраны, все вышли на середину палаты и поклонились царю. Тогда тот вручил каждому по серебряному кубку с медом из собственных рук. После того как все выпили, царь милостиво кивнул и решил уйти. Карстен Роде, от непривычного изобилия яств набивший живот до такой степени, что со стороны казалось, будто он проглотил тыкву, поплелся вслед за придворными. Но за порогом палаты его схватил за руку Стахей Иванов и жарко зашептал на ухо:

– Не спеши, милостивый сударь. Великий князь зовет...

Послеобеденный прием резко отличался от первого, официального. Палата, в которой Иван Васильевич принимал датчанина, являлась спальней. Великий князь московский снял свои тяжелые златотканые одежды и предстал перед Голштинцем в парчовом синем халате и в красной шапочке, богато украшенной. Он возлежал на высоких подушках и, казалось, спал. Но едва датчанина подвели к ложу поближе, Иван Васильевич открыл глаза и покосился на Карстена Роде с видом орла, готового в любой момент разорвать свою добычу. Сходство с царственной птицей придавал ему большой крючковатый нос и хищный прищур.

– А что, говорят, ты хорошо смыслишь в морском деле... – то ли спросил, то ли констатировал великий князь.

Стахей Иванов быстро перевел. Но за время вынужденного безделья в поселении балтийских поморов Голштинiec изрядно пополнил свой запас русских слов, так что теперь и сам понимал, что ему говорят.

– Да, Ваше Величество, – поклонился Карстен Роде. – Я капитан, водил морские купеческие караваны, торговал с Копенгагеном.

– До нас дошли слухи, что свеи на тебя зело недовольны. Будто ты брал на саблю их торговые корабли и причинил им премного неприятностей.

– У меня был каперский патент датского короля Фредерикуса... – Голштинiec невольно сжался и опустил голову, словно провинившийся школяр.

– Ну-ну, тебя никто не винит, – снисходительно улыбнулся великий князь. – Наоборот, мы хотим предложить тебе свою службу. Такую же, как ты нес у Фредерика. Нужно очистить море от разбойников Сигизмунда. И свеев пощипать, чтобы они честь знали. Обижен не будешь. Пойдешь ко мне наказным морским атаманом?

Вот оно! Наконец! Получить каперский патент московитов, быть под покровительством такого сильного царя, как Иван Васильевич, – чего еще лучшего желать? Теперь у него появится отличная возможность не только поквитаться с Ендрихом Асмусом, но и поправить свое незавидное материальное положение.

– Пойду! – решительно молвил Карстен Роде.

– Что ж, достойный ответ достойного мужа... – Жесткие черты лица великого князя смягчились и сквозь надменную царственную маску вдруг проглянул живой, беспокойный человек, которому не чужды ни рыцарский подвиг, ни буйный хмельной пир.

– Только нет у меня корабля, Ваше Величество, – осмелился напомнить датчанин.

– Эко... Найдем мы тебе корабли. Сколько пожелаешь. Лишь бы дело выгорело. Стахей, проследи, чтобы наказному атаману Карстену Роде выдали за счет царской казны все товары,

⁶⁰ Мед – до конца XVII в. был лучшим русским хмельным напитком. Меды были вареные (варились) и ставленные (только наливались); по способу приготовления и по разным приправам меды назывались простой, пресный, белый, красный, боярский, ягодный и пр.

необходимые для снаряжения судов. И пушай направят в Ивангород пушечных мастеров, дабы они отлили орудия для этих кораблей. Басманову в Нарву отпиши, чтобы оказывал всевозможнейшую помощь. К весне флот должен быть готов.

– Будет, Ваше Величество! – горячо воскликнул Голштинец. – Клянусь!

– Ну иди, иди с Богом. Да пребудут с тобой его милости... – С этими словами царь закрыл глаза и устало откинулся на подушки, как-то сразу увяв и мгновенно постарев.

Карстен Роде, повинуясь жесту Стахея Иванова, поцеловал его безвольно опущенную руку, и они тихо ретировались из спальни великого князя московского, оставив его под охраной молчаливых черкасов...

В обратную дорогу датчанин выехал лишь спустя три недели – слишком много времени заняла канцелярская рутина. Зато теперь у него возле пояса висел туго набитый кошелёк с талерами, а в кожаном пенале покоился каперский патент, подписанный Иваном Васильевичем собственноручно.

Снова выйти в море! Опять вольным капером! Капитан представлял, как обрадуются Ганс Дитрихсен и Клаус Тоде, которым служба на купеческом корабле казалась слишком пресной и унылой. Он совершенно не сомневался, что они последуют за ним хоть в ад.

Счастливый Карстен Роде еще и еще раз мысленно повторял текст охранной грамоты великого князя: «...Корабельщику, немчину Карстену Роде со товарищи, преследовать огнем и мечом в портах и в открытом море, на воде и на суше не только поляков и литовцев, но и всех тех, кто станет приводить к ним либо выводить от них товары или припасы, или что бы то ни было. А нашим воеводам и приказным людям того наказного атамана Карстена Роде и его скиперов, товарищей и помощников в наших пристанищах на море и на земле в береженье и в чести держать».

Согласно договоренности, Голштинец имел право на десять процентов добычи и обязан был продавать захваченные суда и товары в русских портах. Пленных, которых можно обменять или получить за них выкуп, он также подрядился сдавать дьякам московитов и иным приказным людям царя. Экипаж русского капера права на добычу не имел, и должен был получать твердое жалование в размере шести гульденов⁶¹ в месяц. Роде в грамоте звался «царским атаманом и военачальником», но сам он уже мысленно величал себя «русским адмиралом».

По совету рачительного Стахея Иванова (он по-прежнему сопровождал датчанина и отвечал за финансирование предстоящей кампании) прежде решили посетить псковский торг. Там все было дешевле, нежели в Новгороде. Тем более, что новгородцы не очень-то праздновали царские указы и вели себя дерзко и вызывающе. Они еще не забыли свои старые вольности, и им очень льстило, когда иноземцы ненароком почитали богатый процветающий Новгород за стольный град Московии.

В 1471 году властный и решительный московский великий князь Иван III, дед Ивана Васильевича, разгромил новгородское ополчение в битве на реке Шелонь, и новгородцы вынуждены были присягнуть на верность великому князю. Но еще большим унижением для новгородцев было то, что спустя семь лет вечевого колокол Новгорода был торжественно снят и увезен в Москву, а древние порядки упразднены. Об этом поведал Карстену Роде подьячий, и датчанин с удивлением понял, что Стахей Иванов говорит о победе Москвы над Новгородом с затаенной тоской и грустью. С чего бы?

⁶¹ Гульден – первоначально называли золотую монету, чеканившуюся в Германии с XIV в. в подражание золотому флорину – старинной западноевропейской золотой (или серебряной) монете во Флоренции с XIII вв.) В 1486 г. году эрцгерцог Тироля Сигизмунд выпустил большую монету весом 31,83 г., содержащую 29,23 г чистого серебра и приравненную к 60 крейцерам – то есть соответствующую золотому гульдону. Поэтому ее называли гульденгрош, или гульдинер (позже – гульден). Для отличия серебряного гульдинера от золотого золотую монету стали называть гольдгульден. В 1566 г. основной серебряной монетой Священной Римской империи стал талер. 1 талер = 72 крейцерам. Гульден остался денежно-счетной единицей, равной 60 серебряным крейцерам. Средневековая Германия разделилась на две части – в большинстве государств основной монетой стал талер, однако в некоторых странах продолжили выпуск гульден.

* * *

Близилась Святки, и Псков был во власти предпраздничной суеты. До рождества было еще больше месяца, но торжище уже бурлило как штормовое море. Карстен Роде, немного пообвыкший к русской действительности, умолил Стахей Иванова взять в охрану не опричников, а стрельцов. Потому как при виде бляхи с изображением собачьей головы на груди молодца в черном, народ попросту разбежался в разные стороны. А ведь Голштинцу предстояло непростое, серьезное дело – закупить множество товаров, необходимых для снаряжения кораблей. Кто же из купцов будет иметь с ним дело, когда за спиной постоянно маячит черный ужас?

Поселились они в гостином дворе, принадлежавшем крупному псковскому купцу Ивану Преподобову, доброму знакомому подьячего. Голштинца подворье впечатлило: изразцовые палаты с железными дверями, погреб каменный, ледник, печи с трубами. В огороде сад, а в нем около сотни заснеженных яблонь.

Стахей Иванов сначала огорчил Голштинца неприятной новостью – оказалось, что иноземцам строжайше запрещалось появляться как на торжище, так и вообще в укрепленной части города. А всякого, осмелившегося проникнуть в святая святых города – Кремль, неминуемо поджидала смертная казнь. Псковичи, жившие в постоянном напряжении с воинственными соседями, тщательно берегли от вражеского ока свои военные укрепления и секреты, и не позволяли иностранным купцам захватить рынок или повлиять на цены. Поэтому те, прибывая в основном из Риги и Дерпта, проживали на «немецком берегу», за рекой Псковой. Переговоры псковичей с купцами обычно велись на плавучем мосту через реку Великую, где им было дозволено только прогуливаться.

Затем, посмеиваясь, Стахей порадовал, показав царский ярлык, по которому наказной капитан Карстен Роде мог беспрепятственно посетить торг – за исключением Кремля. Оказывается, у московитов нет правил без исключений...

– Пусть только твоя милость помалкивает в торговых рядах, – наущал его Стахей Иванов. – От греха подальше... А то ить могут и поколотить. И на ярлык не посмотрят. Да и одежду тебе другую нужно справить – русскую. Ежели товар нам подходит, кивни. А уж за цену я и сам постою, не сомневайся.

Уж в чем в чем, а в этом Голштинец точно не сомневался. Стахей Иванов был весьма грамотным человеком и мог любого заткнуть за пояс своими авторитетными суждениями. Он хорошо знал купеческую среду и объяснил Карстену Роде, почему кроме дешевиzny он выбрал для закупок именно Псков. Главная причина такого выбора заключалась в том, что здешние торговцы сильно выделялись среди своих собратьев: при сделках они отличались честностью, искренностью, простодушием и не прибегали к многословию для обмана покупателя. Поэтому Карстен Роде мог быть спокоен: закупленные материалы для постройки кораблей будут высшего качества и их доставят, куда он укажет, точно в срок.

Голштинец шел по городу, любовался дивными храмами и наслаждался отменной погодой. Снежный покров скрыл все неровности и грязь на улицах, выбелил крыши домов. Пронзительно голубое небо над головой сияло как драгоценный сапфир, а солнце позолотило сугробы, украсив их разноцветной алмазной пылью. Мороз был небольшим, и тело Карстена Роде под русской шубой пребывало в приятной теплыни. Рядом семенил низенький Стахей Иванов, едва поспевая за размашистыми шагами рослого датчанина, и скороговоркой описывал своему благодарному слушателю жизнь псковитяна.

Он рассказал, что на Запсковье живут ладейщики, судоплаты, учанники⁶², рыбаки, а Полонище облюбовали кузнецы. Поведал, что в городе есть кварталы кожевников и солодовни-

⁶² Учан – большая лодка.

ков, а возле реки Псковы располагались многочисленные мельницы, бани, приносившие огромный доход, варницы, трепальни. Карстен Роде слушал его вполуха и думал о своем. Мыслями он уже был в море, на капитанском мостике своего флагманского корабля...

Псковский торг встретил Карстена Роде и подъячего скоморошными играми. Те потешали слушателей разными прибаутками, песнями, плясками и игрой на гусях, свирелях и бубнах. Делали они это столь заразительно, что Голштинец, не очень понимающий смысл происходящего, не удержался и бросил им в шапку полновесный талер, чем вызвал неподдельный восторг у самих затейников и приступ скарденности у Стахея Иванова.

Сам торг впечатлял своими размерами. Для взвешивания товара было устроено особое помещение – важня. Здесь находились весы различных размеров – терезы⁶³, контари⁶⁴, безмены⁶⁵. Карстена Роде очень удивило, что вместо гирь употреблялись каменные и железные колокола весом в несколько пудов и маленькие разновесы – колокольчики и гривенки. В центре торгового стояла таможенная изба – внушительные хоромы с девятью стекольными окнами и дощатыми сенями. Стахей Иванов с непонятной гордостью поведал датчанину, что по таможенным сборам Псков стоит наравне с Москвой.

Число торговых пошлин, как поневоле пришлось узнать Карстену Роде, на псковском торге было довольно велико, гораздо больше, чем в Ругодиве, и тем более – Копенгагене. Прибывая на торг, купец платил тамгу, мыт (при проезде через внутренние заставы). Покидая торг – задние калачи. С речных судов бралась судовая пошлина в зависимости от размеров посуды; с конного веза – повозная. Платили за все: за взвешивание товара, за его отмеривание, погрузку и свал; при продаже скота – пятно и роговое... За проживание на гостинице приходилось раскошеливаться на особые пошлины – гостинице и амбарное.

Обилие торговых рядов кружило голову. Стахей Иванов перечислял, а Карстен Роде присматривался к товарам и злобился – эта сволочь Ендрих Асмус отнял у него возможность стать богатым и знатным человеком! Ведь псковский торг – это просто золотое дно для иноземных купцов. Все здесь стоило сущие гроши по сравнению с ценами в Копенгагене. И чего тут только не было!.. Торговали в Пскове даже кошачьими шкурами, что совсем уж поразило Голштинца.

Продавали железо и железные изделия, привезенные из Устюжны Железнопольской и из Твери; соль, гончарные изделия и серебряные вещи из Новгорода; встречался рязанский мед и воск, вино, овощи и хлеб из немецких земель. Торг был местом не только купли и продажи, заключения торговых сделок. Там глашатаи-бирюхи оглашали указы царя и псковских воевод. Крупные же сговоры совершались при гостиницах дворах.

С делом справились быстро. Подъячий и впрямь имел хватку. Он предварял разговор с купцами словами: «Государево дело!», после чего торг шел как по маслу.

Купили канаты, смолу, парусину и железо. Доски и брус решили приобрести в Новгороде – дерево там было дешевле и доставлять его к месту строительства кораблей гораздо проще. Ударив с продавцами по рукам, Стахей Иванов решил отобедать в большой корчме на берегу Псковы, неподалеку от общественной бани. Карстен Роде уже не боялся «смыть святость» со своего тела и был вполне согласен с подъячим, что банная процедура весьма приятна и полезна. В баню решили сходить на следующий день, перед отъездом в Новгород.

Карстен Роде впервые попал в русскую корчму. По дороге в Москву они большей частью питались на биваках, из общего котла, или в харчевне при гостинице дворе. Корчма же немного напоминала знакомые портовые таверны, только гораздо больших размеров. В подслеповатые оконца, затянутые полупрозрачной слюдой и вычиненными бычьими пузырями, еле прогля-

⁶³ Терезы, терези, тереза – большие базарные весы с коромыслом.

⁶⁴ Контарь, кентарь – весы с подвижной точкой опоры и неподвижной гирей.

⁶⁵ Безмен – простейшие рычажные весы. Русский Б. – металлический стержень с постоянным грузом на одном конце и крючком или чашкой для взвешиваемого предмета на другом. Отсчет ведется по нанесенной на стержень шкале.

дывал свет холодного зимнего солнца. В дальнем углу пыхтел большой очаг – пример тесного общения местных с иноземцами. Над очагом возвышалась широкая труба, увешанная связками лука и чеснока – для просушки. Запах прогорклого дыма, смешиваясь с кислым запахом овчинных тулупов, мигом вышиб у Голштинца слезу.

Место им нашлось неподалеку от входа. Сидевшие там люди потеснились, однако особого внимания на пришедших не обратили, продолжали говорить о своем. Но Карстен Роде, все чувства которого из-за непривычной обстановки были обострены, подметил, как два молодых, крепко сбитых парня, сидевшие на противоположном конце длинного стола, глянули на них с таким пристальным вниманием, что у бывшего капера екнуло под ложечкой. Ему ли не знать природу подобных взглядов? От них пахло угрозой, если не более. Похоже, эти двое сразу определили статус новых посетителей – «государевы люди» – и обеспокоились. «Почему?» – задал себе вопрос Голштинец, и инстинктивно нащупал рукоятку большого ножа, висевшего за поясом.

Изрядно проголодавшегося Стахея Иванова посторонние мысли не мучили. Он подозвал целовальника и сделал богатый заказ – словно их было не двое, а пятеро. Карстен Роде не был удивлен – невысокий, но плотный подьячий ел за троих. И куда только все влезало?

– Подать «корчму»⁶⁶? – доверительно спросил подошедший мужичок тихим голосом.

– Помилуй Бог! – воскликнул Стахей Иванов. – Аль мы похожи на черносoshных⁶⁷? Неси нам вареное вино⁶⁸! Да чтоб без обману!

– Всенепременно, ваше степенство, – повеселел целовальник, утвердившись в мысли, что уж эти двое чужеземцев (Голштинца его наметанный глаз вмиг раскусил, несмотря на русский наряд) не поскупятся и отсыпят ему от своих щедрот добрый куш. – Лучше «перевара», чем у нас, во всем Пскове не сыскать.

– Вишь ты – «корчму»... – обиженно бормотал подьячий. – Опосля нее в голове шмели гудят, а ноги кренделя выписывают. То ли дело «перевар» – и во рту сладко, и душу греет, и тело томит.

Голштинец помалкивал. Он никак не мог разобраться, сколько же у московитов существует разновидностей их хлебного вина. Для бывшего капера имела значение лишь крепость, но не его букет. А уж по этой части русскому вину не было равных!.. Тут Карстен Роде совсем нехотая вспомнил два бочонка с этим божественным напитком, которые он прикупил в Ругодиве, а достались они пиратам Ендриха Асмуса и помрачнел. Дьявол!

«Ужо доберусь я до тебя, польский пес...»

* * *

Старая баранина оказалась так себе, гораздо хуже блюд Февроньи, но вот что касается пахнущего свежим огурцом псковского сметка, то он был выше всяких похвал. Огромная деревянная миска с этой небольшой, но удивительно вкусной рыбкой опустела раньше, чем они допили «перевар», который, на вкус Голштинца, сильно сластит, напоминая фряжское вино. Не долго думая, Стахей Иванов заказал еще такую же порцию сметка, и они, утолив первый голод, продолжили чревоугодие не спеша, с обстоятельностью людей, которым некуда спешить.

⁶⁶ «Корчма» – один из древнейших терминов водки, существовавший почти одновременно с термином «вареное вино», но переживший его почти на четыре столетия. «Корчма» вначале обозначали водку домашнего производства, а затем, с момента введения монополии на водку в XV в., – самогон, т.е., водку, произведенную в нарушение государственной монополии.

⁶⁷ Черносoshные – крестьяне; несли тягло не в пользу помещиков, а в пользу государства. Жили преимущественно на окраинах страны. В XVIII в. вошли в состав государственных крестьян.

⁶⁸ Вареное вино – перевар; один из первых терминов, связанных с производством водки. Крепкий напиток, приготовленный путем варки готового вареного меда невысокого качества с готовым пивом.

В заведении было многолюдно. Карстен Роде уже знал, что кроме корчем существуют еще и царевы кабаки. Но там закуска к выпивке не полагается, и посещает их, в основном, голь перекатная, без деньги на закуску: ярыжки, да служивые – стрельцы и опричники. Так что народу старая добрая корчма гораздо привычнее и милей. Правда, великий князь запретил своим указом торговать здесь хлебным вином, но кто же на Руси празднует такие указы? А уж в купеческом городе Пскове – тем более.

Многочисленные торгаши знали себе цену и не шибко оглядывались на Москву. Свои гостинные дворы псковское купечество имело и в других городах. Крупные сделки заключались в ливонских и ганзейских городах, да и в самом Пскове – с приезжавшими в город иностранными купцами. Поэтому напиваться допьяна, теряя при этом достоинство, они не могли себе позволить, не имели права: статус не тот. А коль голова так думает, то и ноги идут туда, куда она укажет.

Неожиданно шум в корчме стал стихать и послышался чей-то немного хрипловатый, но сильный голос:

– Пьете, жрете, окаянные! Брюхо набиваете, эту смрадную бездну, вместилище болезней и пороков! А беду не чувствуете! Воронье черное на Псков летит за поживой, Ирод на конь взобрался, кровопивец и пожиратель христианского мяса! Глад и хлад он несет с собой, великие потрясения!

Карстен Роде в недоумении оглянулся и опешил. На пороге стоял босой и почти голый человек (это зимой-то!) – в одной набедренной повязке, представлявшей собой грязные лохмотья. Он был высокий, тощий – кожа да кости – и посиневший от холода. Тем не менее дрожь его не била, а огромные темные глазищи на изможденном лице, казалось, горели дьявольским пламенем.

– Никола... – зашептались кругом. – Никола Салос... Святой...

– Кто это? – спросил Голштинiec у подьячего.

– Местный юродивый, – со страхом ответил Стахей Иванов и три раза мелко перекрестился.

– Он что, колдун?

– Нет. Пророк. Страшные слова говорит... Вдруг правда?

Карстен Роде лишь неопределенно пожал плечами. Он не очень верил в апокалипсические предсказания и чудеса, и уж тем более не имел за душой ни капли доверия к разным кликушам. Его крестьянская натура была чересчур прямолинейной и прагматичной. А уж время, проведенное в компании сорвиголов-ландскнехтов да на капитанском мостике, и вовсе избавило от страха за собственную жизнь. Голштинiec точно знал, что умрет не раньше и не позже времени, назначенного ему судьбой.

Тем временем юродивый продолжал всяко поносить неразумных и недалеких людишек, жестокую своекорыстную власть и в особенности убийцев-опричников, хуля их на разные лады. Посетители заведения, поначалу сидевшие тихо, начали возбуждаться. Раздались возгласы одобрения. Целовальник замахал на Николу тряпкой и жалобно попросил, чтобы тот удалился или сел за стол, а он его покормит.

– Не накликай на меня беду... – бубнил целовальник. – Христом Богом прошу...

– Ты сам первая беда! – резко ответил юродивый. – Мало нам царевых кабаков, где людишки ум пропивают? Дак нашему кровопийце московскому того и надуть. Пьяный скот легче загнать в ярмо. Пошто народ спаиваешь?! Корысти ради... Эх! А был когда-то человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.